

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

№ 30

1986

Сергей КОШЕЧКИН

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

П О Э Т Ы

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 30

Сергей КОШЕЧКИН

П О Э Т Ы

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986.

Сергей КОШЕЧКИН

Сергей Петрович Кошечкин (родился в 1924 году) — член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук, заслуженный работник культуры РСФСР. Автор нескольких сборников стихов, многих статей о советских поэтах. Выпустил книги «Сергей Есенин», «Раздумья о Есенине», «Есенин и его поэзия», «Весенней гулкой ранью...», «Несказанный свет». Участвовал в подготовке собраний сочинений С. А. Есенина в трех, пяти, шести томах, ряда отдельных изданий поэта.

В годы Великой Отечественной войны — курсант Куйбышевского пехотного училища, командир минометного взвода 8-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Член КПСС с 1944 года.

Окончил Куйбышевский педагогический институт им. В. В. Куйбышева, Академию общественных наук при ЦК КПСС.

С 1959 года работает в отделе литературы и искусства редакции газеты «Правда».

«СИНЬ, УПАВШАЯ В РЕКУ...»

Сергей Есенин

1. Бессмертые слова

Герой Советского Союза Сергей Борзенко рассказывал автору этих строк:

— В августе сорок первого нас, троих военных корреспондентов, судьба забросила в село Большие Каиры, на Днестре. Учитель, хозяин дома, где мы переночевали, уговаривал нас взять что-нибудь из его вещей — верблюжье одеяло, гармошку, белье: все равно пропадет. Я открыл книжный шкаф и вынул оттуда томик Есенина. Хозяин грустно улыбнулся: «Ничего не жалко, а книгу, извините, не могу отдать, не могу... Самое дорогое... Пусть со мной партизанит...» Вот ведь как о есенинском сборнике!

Да, это было. В годы войны вместе со стихами Пушкина и Лермонтова, Блока и Маяковского, вместе с лучшими строками поэтов-фронтовиков слово Есенина состояло на вооружении советских людей.

...Осень 1943 года. Днепр позади, вспоминает бывший старший сержант 86-й гаубичной артиллерийской бригады Николай Кутырев, третьи сутки мы не спим. Мы — это артиллеристы и горстка пехотинцев во главе с майором-комбатом... Гудит земля, дрожит словно в лихорадке от разрывов снарядов. И через минуту по лесу, переливаясь, разносится громкое «ура». Мы выдвинулись вперед и заметно улучшили свои позиции.

Вскоре все стихло... Командир батальона устало опустился на землю. Солдаты и сержанты окружили его и слушают:

Гаснут красные крылья заката,
Тихо дремлют в тумане плетни.
Не тоскуй, моя белая хата,
Что опять мы одни и одни.

— Это Есенин, — говорит майор.

Просим читать еще. И снова слушаем. А майор читает так просто, будто ведет с каждым задушевный разговор о самом заветном.

...Промерзшие зимы осажденного Ленинграда. На Малой Неве, у Пушкинского дома — Института русской литературы Академии наук, база подводников. Отсюда лодки уходили под ледяным панцирем на Балтику, в Ригу. Перед походом, свидетельствует писатель Вадим Сафонов, замполит обратился к сотрудникам института:

— Моряки хотели бы... Стихи Есенина — можно? Очень просим.

И Виктор Андроникович Мануйлов, известный лермонтовед, тогда уполномоченный горстки блокадников, ответил:

— У нас тут одна, в фонде. Но мы перепишем, сегодня же. Всю целиком!

Строки Есенина, переписанные в школьную тетрадку, ушли с моряками на боевое задание...

Сердечная песня Есенина всегда находила добрый отклик в людских душах, была их верной спутницей и в радости и в печали. С годами она не только не старилась и не увядала, а словно бы молодела, открывала свои затаенные глубины, обретала новые краски, новые оттенки. В наши дни мы являемся свидетелями всенародной любви к Есенину, его мировой славы.

Книги Сергея Есенина, великого русского поэта (определение Максима Горького), выпускаются у нас огромнейшими тиражами. Приведу только один пример. Трехтомное собрание сочинений поэта вышло в издательстве «Правда» (1970 год) в количестве один миллион девятисот сорок тысяч экземпляров и было раскуплено мгновенно.

Ныне стихи Есенина переведены на грузинский и азербайджанский, украинский и белорусский, таджикский и туркменский, литовский и эстонский, якутский и чувашский — на все языки народов Советского Союза.

«Дружба с русской литературой приобщила нас к ее богатствам, помогла нам правильно понять, по достоинству оценить и есенинскую поэзию. Очень русский поэт, Сергей Есенин сделался родным и для нас, узбеков».

Под этими словами Гафура Гуляма могли бы подписаться представители всех братских литератур нашей страны.

К произведениям Есенина все чаще и чаще обращаются советские композиторы, мастера изобразительного искусства, кинематографисты, драматические театры. Здесь среди удач можно назвать вокально-симфоническую поэму «Памяти Сергея Есенина», созданную лауреатом Ленинской премии Георгием Свиридовым, работы видных художников Евсея Моисеенко и Федора Константинова, документальный фильм Петра Русанова и Юрия Прокушева, постановку «Пугачева» на сцене Московского театра драмы и комедии... Есенинское наследие представляет богатые возможности для подлинно художественных открытий, и, несомненно, они, эти возможности, будут со временем использованы.

Имя Есенина — среди имен самых популярных за рубежом советских поэтов. Особенно широко оно известно в странах социа-

лизм. В Югославии, например, помимо многочисленных отдельных сборников, издано собрание есенинских сочинений в пяти томах. «...Недосягаемым образцом остается для меня лирика Сергея Есенина», — замечает современный монгольский поэт Б. Явуухулан. Таких признаний не перечесть.

В чем же заключена притягательная сила есенинской поэзии? Что делает его лирику близкой и дорогой для миллионов читателей?

2. «Синь, упавшая в реку...»

Первая книга Есенина «Радуница», как известно, появилась в 1916 году. Однако позже поэт говорил профессору Ивану Розанову, что еще до «Радуницы» он, Есенин, уже выпустил сборничек стихов под заглавием «Русь». В действительности такая книжка в свет не выходила, возможно, это был оттиск или вырезка из журнала с одноименной «маленькой поэмой». В конце концов это не столь уж важно. Существенно другое: Есенину хотелось слово «Русь» поставить как первую веху, от которой начался его путь в литературе. И это знаменательно. «Русь», «О России и Революции», «Русь советская» — по этим названиям разделов в сборниках и отдельных книг Есенина пролегает осевая линия его поэзии, ими обозначен тот благодатный источник, который питал его лирику.

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Не только озерную тоску — росу, блестящую на крапиве, маковую зарю, березу в сонной тишине, на лугах веселый пляс, черную, потом пропахшую выть — да разве все перечислишь! — любил он «до радости и боли».

Кажется, ну что еще можно сказать о красоте русской природы после Пушкина, Кольцова, Некрасова, Фета, Бунина? Есенин нашел что сказать. И это сказанное пронизано такой живой радостью и болью, согрето таким неподдельным чувством, что не может не трогать человеческие сердца.

Вот деревенский парнишка поздним летним вечером стоит у придорожной ивы. Ему «хорошо и тепло, как зимой у печки». Вроде бы мир, его окружающий, — огромная изба, где все до мелочей знакомо, всему есть свое домашнее имя, от всего веет покоем и уютом.

Читаешь стихи дореволюционного Есенина, и перед тобою распахиваются необъятные просторы, то прозрачно-голубые, то затянутые рваными тучами; встают сказочными видениями березовые перелески и духовитые дубровы; ты слышишь гомон косарей, скрип обола, ветряной повист, безнадежные вздохи мужиков над сохнувшей от жары рожью...

Поэту знакома грустная дума: «Ой, не весел ты, край мой родной». Он видит, как «тоскуют брошенные пашни», как «роща синим мраком кроет голытьбу...». Он печалится о крестьянской доле: «За тяжелой сохой эта доля дана».

Но и в горести поэту до боли мило родное и близкое. Для него и в заброшенном крае соломой крытые хаты — в золотом окладе образа, и тополя пахнут звонно, и крик лягушек — музыка. Плесень на бревнах — и та окроплена солнцем.

Его сердце тянется ко всему живому, он понимает «душу» животных. Приковылявшая к норе смертельно раненная лисица; кони, чьи думы эхо уносит «к неведомым лугам»; дряхлая корова, тоскующая о белоногом телке, — все они остаются в памяти читателя есенинских стихов навсегда.

Одно из стихотворений он озаглавил «Песнь о собаке». Обратите внимание, как это возвышенно звучит — «Песнь». Не «Песня», а именно «Песнь». Вспоминаются названия: «Песнь о Нибелунгах», «Песнь о Роланде», «Песнь о Гайавате». А тут — «Песнь о собаке».

В связи с этой «Песнью...» Максим Горький говорил Есенину, что он «первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишет о животных». И после чтения поэтом «Песни о собаке» Горькому «невольнo подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

И здесь вновь приходит на память «маленькая поэма» Есенина «Русь». Написанная в разгар первой мировой войны, она как бы наполнена воздухом, которым дышала деревня той поры, озвучена карканьем черных воронов, плачем слободских баб и заветными песнями, вплетенными в скрип сохи... Кажется, само милосердие водило рукой поэта, когда на бумагу ложились бесхитростные строки о тоскующих солдатских женах:

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звездой...

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу...

Так околица села расширяется до границ страны, и тема отчего края начинает звучать как тема Родины — могучей и бессильной, богатой и нищей... И уже волнует поэта предчувствие небывалой очистительной грозы, и где-то в глубине его сердца зреют гордые и уверенные слова:

О Русь, взмахни крылами...

3. «Вот такой, какой есть...»

О жизни Есенина написаны тысячи статей и книг. Ежегодно к ним прибавляются все новые и новые публикации. Есть среди них работы обстоятельные, написанные со знанием дела, с пониманием своеобразия есенинского таланта и особенностей времени, наложившего на него свой отпечаток. И все-таки о жизни поэта, о его думах и переживаниях никто и никогда не расскажет так полно, глубоко и впечатляюще, как это сделал в своих стихах и поэмах сам Есенин. Его лирическая повесть о себе и своем времени предельно искренна и правдива. К себе он был беспощаден: «себя вынимал на испод». Он шел к читателю, как идут к близкому человеку, как идут к другу — с открытой душой. Качество, важное в каждом художнике и особенно драгоценное в лирическом поэте. И потому мы, нынешние читатели Есенина, знакомы с ним как бы лично, знаем его так, как не знаем порой иного своего приятеля.

Деревенский мальчик, желтоволосый, с голубыми глазами, который впервые «схлестнулся» с рифмой и сказал себе: «Всю душу выплесну в слова».

«Кудрявый и веселый» юноша, бросающий со сцены упругие и размашистые слова: «Взвихренной конницей рвется к новому берегу мир».

Человек, потерявший опору под ногами, растерянно вззирающий на движение жизни: «...Куда несет нас рок событий...»

Зрелый мастер, ясно сознающий свое призвание: «Хочу я быть певцом и гражданином...»

Образ поэта живет, движется, меняется, приобретая все новые и новые черты. И это не «лирический герой» поэзии Есенина, это сам Есенин — «вот такой, какой есть...». Не случайно его заметка «О себе» заканчивается словами: «Что касается остальных автобиографических сведений — они в моих стихах».

Это верно, в его стихах таких сведений немало. Из них мы узнаем, как зовут его мать и отца («Где тут живет Есенина Татьяна?» и «Какой счастливый Александр Есенин!»), что у него есть сестры («Здесь жизнь сестер...»), где он бывал («Прощай, Баку!..» или «Я быстро умчался в Питер...»), с кем встречался («Поэты Грузии! Я нынче вспомнил вас...» или «В стихию промыслов нас посвящает Чагин...») ... Но самое главное — в стихах Есенина запечатлены биография его души, движение его чувств и мыслей, движение, определяемое течением жизни, бытия.

«...Я... наверно, навеки имею нежность грустную русской души», — сказал он однажды. Прочитайте его стихотворения разных лет: «Не бродить, не мять в кустах багряных...», «Разбудь меня завтра рано...», «Не жалею, не зову, не плачу...», «Мы теперь уходим понемногу...» — и вы не сможете не согласиться с поэтом. Многие его стихи отмечены такими задушевыми интонациями, что, кажется, писались они самой нежностью.

Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружишь,
Слушай — под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Стихи, обращенные к матери... Сколько русских поэтов прикасалось к этой священной теме, и только, пожалуй, Некрасову да Есенину удалось со всей непосредственностью и теплотой передать в стихах неизбывность сыновнего чувства к матери.

О первом чтении Есениным «Письма к матери» вспоминает писатель Иван Евдокимов:

«Помню, как по спине пошла мелкая, холодная оторопь, когда я услышал:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Я искоса взглянул на него: у окна темнела чрезвычайно грустная и печальная фигура поэта...

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.

Дальше мои впечатления пропадают, — заканчивал Евдокимов, — потому что зажало мне крепко и жестоко горло, таясь и прячась, я плакал в глуби огромного нелепого кресла, на котором сидел в темнеющем простенке между окнами».

Так же близко к сердцу принимают есенинское «Письмо...» и современные слушатели и читатели.

Сердечно, просто, без ложного умиления и фальшивого пафоса обращается поэт к сестре, деду, любимой, другу...

Но стихи Есенина — это не только нежность, душевные интонации, не только мягкая, застенчивая улыбка. Это и непримиримое, гневное слово в адрес зла, несправедливости, лжи, жестокости.

«Монархия! Зловещий смрад!» — в двух словах заклеямена вся отвратительная сущность самодержавия.

...Этот хлеб,
Что жрете вы,—
Ведь мы его того-с...
Навозом...

Вы — «салонный вылощенный сброд» царской России.

И торжественно-величаво звучит голос поэта в «Кантате», посвященной памяти павших героев революции:

Спите, любимые братья.
Снова родная земля
Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Как бы ни были различны интонации, ритмы, пафос в есенинских стихах, их не спутаешь ни с чьими другими. Ибо на них, говоря словами великого Саади, «чекан души» поэта. Будь он в радости или в горе, будь он спокоен или разгневан — мы узнаем его по дыханию стиха, по внутреннему огню, освещающему каждую строфу.

И по той беспощадности, с какой говорит он о своих горьких заблуждениях и ошибках...

4. «Я тем завидую, кто жизнь провел в бою...»

Почти полтора года продолжалась заграничная поездка Есенина. За это время он побывал в странах Западной Европы, в США. Увиденное в мире чистогана и наживы заставило его над многим задуматься. Эти раздумья нашли своеобразное отражение в монологах комиссара Рассветова — главного персонажа пьесы «Страна негодяев», которую поэт начал писать за границей.

Когда-то его, Рассветова, обстоятельства забросили в Северную Америку. Там он жил в ночлежках, работал на клондайкских приисках. Зная Америку, он отдает должное ее индустрии, ее технике. Но, по его наблюдениям, в «стальной» Америке капитализм опустошил душу человека, поставив превыше всего наживу, доллар. Обрели силу предприимчивые дельцы, бизнесмены. У Рассветова сложилось твердое убеждение:

Эти люди — гнилая рыба.
Вся Америка — жадная пасть.
Но Россия... вот это глыба..
Лишь бы только Советская власть!..

В «стальной» России Советская власть, социализм возвысят человека, ибо во имя его счастья и строится новая жизнь. Так говорит Рассветов, и поэту по душе этот убежденный коммунист, собранный, волевой человек, знающий, за что он борется, что отстаивает.

Маяковский не ошибался, когда заметил: «Есенин вернулся из-за границы с ясной тягой к новому».

1924—1925 годы были для поэта на редкость плодотворными. Тифлис, Батум, Баку, Ленинград, родное рязанское село Константиново — везде он работает с подъемом, озаренно. Более шестидесяти лирических стихотворений, около двадцати «маленьких поэм» (среди них: «Возвращение на родину», «Русь советская», «Поэтам Грузии», «Баллада о двадцати шести», «Письмо к женщине», «Мой путь»), крупные вещи — «Песнь о великом походе», «Сказка о пастушонке

Пете, его комиссарстве и коровьем царстве», «Поэма о 36», «Анна Снегина», цикл стихотворений «Персидские мотивы» — вот что можно увидеть за его фразой из письма от 17 декабря 1924 года: «Пишется мне дьявольски хорошо». Но это еще не все. Продолжается работа над пьесой «Страна негодяев», поэмой «Гуляй-поле». Вынашиваются замыслы эпического произведения о гражданской войне, поэмы о беспризорнике, который был «на дне жизни, выскочил, овладел судьбой и засиял», автобиографической повести «Когда я был мальчишкой...».

Среди тем, волновавших Есенина, важнейшее место заняла тема, которую он обозначил в поэтическом послании издателью: «Учусь постигнуть в каждом миге Коммуной вздыбленную Русь». И, естественно, в первую очередь поэт обратился к образу того, кто «вздыбил всю нашу планету», — образу Ленина. Есенин был в числе тех художников, которым удалось создать живой, неповторимый образ Владимира Ильича в поэзии.

Ленин — гений революции. Вождь народа. Провидец грядущего счастья «всех племен». Его слово — могучая, всепобеждающая сила.

И — человек «застенчивый, простой и милый». В нем нет ничего условного, ложно-красивого, экзотического. Все жизненно, обыкновенно. Он с детворой «зимой катался на салазках», «глядел скромней из самых скромных».

Таким знали и любили Ильича народные массы. Таким он встает и со страниц отрывка из поэмы «Гуляй-поле».

В стихотворении «Капитан земли» с Лениным — рулевым корабля и ленинцами — его матросами поэт связывает будущее страны: «Они за лучшие обеты зажгут, сойдя на материк, путеводительные светлы».

Как и предвидел Есенин, новые поэты написали и напишут новые песни в честь Ленина, в честь Коммунистической партии. Но есенинское слово о бессмертном вожде, сказанное от чистого сердца, не осталось в прошлом. Оно и сегодня живая художественная ценность поэтической Ленинианы.

Частью общего дела всех большевиков, дела, вдохновителем и организатором которого «был наш строгий отец Ильич», являлась борьба бакинских комиссаров. О них — дума, боль, песня поэта...

«Баллада о двадцати шести»... Силой своего воображения Есенин как бы возвращает к жизни расстрелянных бакинских комиссаров. Их первое желание — посмотреть, «как живет Азербайджан». Поэт вместе с Шаумяном и Джапаридзе видит, что в Баку «у рабочих хлеб. Нефть — как черная кровь земли. Паровозы кругом... Корабли...» И вместе с комиссарами он горд силой рабочего класса, отстаившего Кавказ, его свободу.

Есенин нашел проникновенные слова, интонации, чтобы выразить свое неподдельное чувство к тем, кто с оружием в руках защищал молодую республику от врагов революции. Большевики — «люди в куртках кожаных» и красивые воины — в их усталые лица вглядывается певец-сказитель из «Песни о великом походе»:

Спи, корявый мой!
Спи, хороший мой!
Пусть вас золотом
Свет зари кропит.
В куртке кожаной
Коммунар не спит.

С теплой улыбкой смотрит поэт на «хромого красноармейца», что в кругу односельчан «рассказывает важно о Буденном, о том, как красные отбили Перекоп». Как много заключено в этом «важно»!

Нашлось у поэта доброе слово и о защитниках советских границ:

Пограничник не боится
Быстри.
Не уйдет подмеченный им
Враг...

В своей лебединой песне — поэме «Анна Снегина» Есенин поклонился крестьянину-бедняку, ставшему в дни революции вожаком деревенской бедноты. Прекрасен человек — борец за народное счастье, прекрасна родная земля, ее вечно обновляющаяся природа, прекрасна целомудренная, в чистом сердце рожденная любовь. Этой поэтической мыслью одухотворена поэма.

Есенин искренне завидовал тем, «кто жизнь провел в бою, кто защищал великую идею». Запечатлев подвиг героев в стихах, он отдал достойную дань их светлой памяти, воздвиг свой поэтический обелиск во славу верных сынов Страны Советской.

5. «Стихов злаченые рогожи...»

«Прежде, чем примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и речью». Эта фраза Гоголя приходит на память, когда читаешь воспоминания современников Есенина о его неутолимом интересе к народным песням, пословицам, загадкам. В поэзии, по мнению Есенина, нужно поступать так же, как поступает наш народ, создавая яркие, живые образы.

Есенину не надо было специально идти в народ и с азов постигать его художественное богатство. Старинная песня была впитана будущим поэтом с молоком матери. С детских лет открылись ему первозданная красота певучего русского слова, пленительные звуки родной речи.

Одной из самых любимых его книг было «Слово о полку Игореве».

— Знаете, какое произведение произвело на меня необычайное впечатление? — говорил он знакомому литератору. — «Слово о полку Игореве». Я познакомился с ним очень рано и был совершенно ошеломлен им, ходил как помешанный. Какая образность!

Внутреннее видение безвестного певца Древней Руси, дух «Слова...» вошли в поэтическое мироощущение, «лирическое чувствование» Есенина. Особенно ярко это проявилось в его драматической поэме «Пугачев», полной высокой патетики, психологической напряженности. Есенинская поэма о герое крестьянского восстания — это попытка мастера найти новые художественные возможности поэтической речи с помощью органического, но усложненного образа и «сгущенной» образности.

Как и со «Словом о полку Игореве», всю жизнь не расставался поэт с книгами Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Кольцова. Фольклор, прославленные мастера русской литературы — вот духовные наставники Есенина в его пути от «Радуницы» до «Анны Снегиной» и «Персидских мотивов», произведений, отмеченных классической ясностью и простотой.

«У каждого поэта, — писал Есенин, — есть свой общий тон красок, свой ларец слов и образов». Есенинский «ларец» полон этих «своих» слов и образов. Они живут не сами по себе, а в единстве с другими словами и образами, со всеми элементами стихотворной речи. Изъять их из единой живой ткани стиха невозможно, ибо они сразу потускнеют и потеряют силу.

Константин Паустовский в книге «Золотая роза» вспоминает, как его поразило слово «свей» в стихах Есенина:

И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею
Полюбить тоску.

Писатель не знал, что значит «свей», но чувствовал, что в этом слове заложено поэтическое содержание. Это слово как бы само излучало его.

Позже писателю объяснили: свей — это волнистая рябь на песке. Ветер свевает песок в эту рябь. Вот почему, замечает Паустовский, Есенин написал «ветряной свей» и упомянул про песок («по тому ль песку...»)

Каждому читателю, раскрывшему книгу Есенина, не может не броситься в глаза красочность его стихотворной речи. Справедливо сказал Александр Серафимович: Есенину свойственна «огромная, все ломающая смелость эпитетов, сравнений, выражений, поэтических построений».

Когда мы читаем, например, строки стихотворений «Я красивых таких не видел...»:

Что поет теперь мать за куделью?
Я навеки покинул село,
Только знаю — багряной метелью
Нам листвы на крыльцо намело,—

картина поздней осени встает перед нами во всей жизненной конкретности. Мы словно воочию видим эту «багряную метель» — красноватые листья, подхваченные ветром; они беспорядочно кружатся над уже похолодавшей землей и опускаются на крыльцо. «Багряная метель» напоминает о другой, снежной метели, что скоро завьюжит на деревенской улице, наметет на крыльцо белые груды первого снега...

В стихотворении «Синий май. Заревая теплынь...» есть такая строфа:

Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый».

Это сказано очень точно — «щемящее слово «милый». Не «сердечное», не «душевное», не «заветное», не «чудесное», а именно «щемящее» слово, то есть слово, от которого щемит сердце, которое проникает в самую глубину души, вызывая трепетное, трудно скрываемое волнение.

Есенин умел через цвет передать чувство. Вспомним: «...Все равно остался я поэтом золотой бревенчатой избы». Эпитет «золотая» передает эмоциональное отношение поэта к «бревенчатой избе», дорогой его сердцу. Не забудутся и «золотая словесная гряда», и «стихов злаченные рогожи».

Есенин обладал природным слухом, тонким чутьем гармонии и ритма. Звукопись в его стихах поражает тонкостью, изяществом:

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

В этой строфе, взятой наугад, отчетливо обнаруживает себя, говоря словами Есенина, «некоторое звуковое притяжение одного слова к другому», создающее определенную «музыку» чувства. Песенность, четкость звукового рисунка, гармония настроения со звучанием поэтической фразы — характерные черты его зрелых произведений.

Богатство есенинской поэзии неисчерпаемо. «Ведь я мог дать не то, что дал», — признавался поэт незадолго до гибели. Но и то, что он дал, — это немало. Мы можем сказать: это много. Ибо это целый мир, он живет, движется, переливается всеми цветами радуги. Это проникновенная песнь о великом и вечном: о России и Революции.

А слово о Родине, сказанное от чистого и доброго сердца, всегда притягательно, всегда близко и дорого людям, где бы они ни родились, на каком бы языке ни говорили...

«ЭТА ПЕСНЯ В СЕРДЦЕ ОТЗОВЕТСЯ...»

Есенин в поэзии

Стихотворные посвящения Есенину начали появляться еще при его жизни, но настоящий поток их вызвала трагическая гибель поэта.

В заметке, открывающей сборник «Памяти Есенина» (издание Всероссийского союза поэтов, М., 1926), говорилось: «Можно с уверенностью сказать, что нет в СССР ни одного поэта, который бы не откликнулся на смерть Сергея Есенина. Если трагический конец его взволновал решительно все круги общества, то понятен тот исключительный трепет, каким охвачены были его собратья по перу. Он жил среди нас, он изумлял при жизни, он неотступно сопутствует после смерти. О Есенине нельзя не думать, нельзя не говорить, нельзя не писать».

Начиная примерно с 1928 года количество стихов о Есенине резко идет на убыль, и вплоть до конца пятидесятих годов по этой теме почти ничего не печаталось. Во второй половине пятидесятих годов происходит как бы второе рождение поэта. Начинают издаваться массовыми тиражами сочинения Есенина. В газетах, журналах, альманахах появляются публикации его писем, затерявшихся в старых изданиях стихов и заметок, выходит двумя изданиями объемистый том воспоминаний современников, пишутся статьи и книги. К есенинской теме обращаются композиторы и мастера изобразительного искусства, кинематографисты и театральные режиссеры, прозаики и поэты. Поэтическая, как и вообще художественная, Есениниана продолжает пополняться и поныне.

Среди авторов стихов о Есенине — друзья, знакомые Сергея Александровича и люди, никогда его не видевшие; известные поэты и делающие первые шаги литераторы... Полной библиографии этой литературы мы пока не имеем, но с уверенностью можно сказать: написано посвящений многие сотни. Их обзор я хочу начать со стихотворений, написанных под впечатлением знакомства с родными местами Есенина.

Старое изречение «Кто хочет узнать поэта, тот должен побывать на его родине» и здесь находит веское подтверждение. Поездка на берега Оки, в Константиново — это путешествие к истокам жизни и поэзии великого лирика, к той красоте и силе, что издавна слиты с просторным словом — Россия. Не потому ли раздумье о поэте, уроженце этого края, естественно, как бы само собой переходит в размышление о русской земле, ее нынешнем и завтрашнем дне.

Вчитайтесь в «рязанский» цикл стихов Александра Прокофьева. Большой мастер, тонкий знаток народного песенного слова, он не торопится завести речь о Есенине. Ока завладела его вниманием, и он так светло и нежно говорит о реке, что она сразу же предстала во всей своей красе. Чего стоит ее сатиновое платице — «оно повыцвело от

солнышка и полиняло от ветров»! В стих ворвался «ветер Рязани», распахнулась «даль безбрежна, светла», и «Константиново, здравствуй!» слышится обращенным ко всем этим былинным далям, ко всей русской земле. И строка Есенина «О Русь, малиновое поле...», взятая эпиграфом к одному из прокофьевских стихотворений, кажется только что написанной — так созвучна она нашим патриотическим чувствам. Да иначе не может быть: как говорит Сергей Смирнов, «братается с грядущим песенно-есенинская Русь».

В родные места великого лирика наши авторы вглядываются сердцем. Их затаенная мечта — хоть в какой-то мере постичь тайну зарождения поэтического таланта — удивительного дара природы. Исток они видят во всем том, что с детских лет окружало будущего поэта, что исподволь входило в сознание. В стихотворении Владимира Фирсова лес, дол, горлинки в лесах несут своему другу ласку и привет. В других стихах с Есениным по-родственному беседуют травы, закаты и рассветы, ветер, Ока... Они как бы просят говорить от их имени...

Из стихов встают образы родных, односельчан Есенина. От этих людей он услышал первые сказки, песни, загадки, учился «чувствованию родной земли», быть заодно со всеми. И в зрелые годы его непрестанно тянуло в отчий край,

Чтоб своих земляков встречая,
Новым песням села внимать.
А под вечер,
За чашкой чая,
Нежным словом утешить мать...

(С. Эйлин)

Весьма осторожно касается Антонина Баева сложных взаимоотношений родителей Есенина — Татьяны Федоровны и Александра Никитича. Тут легко было одним неподходящим словом вызвать ощущение фальши, человеческую драму утопить в выпренной риторике. Думается, А. Баева этого счастливо избежала. Вслушайтесь хотя бы в эту строфу:

Их разводили и сводили вновь
согласие с нуждою да и — ссоры...
Но и была минута, от которой
в их мальчике затеплилась Любовь...

Сыновнее чувство к матери Есенин запечатлел в бессмертных строках. И рядом с ними по праву могут быть поставлены поэтические обращения к сестрам — Екатерине Александровне и Александре Александровне. Им, на много лет пережившим своего брата, выпали на долю заботы о сохранении в чистоте его доброго имени, о восстановлении в первоначальном виде мемориальных мест. Труд по воспроизведению наиболее интересного из того, что сберегла память. Свой сестринский долг они выполняли свято, не жалея ни сил, ни времени. Многие прозаики, поэты их знали и глубоко уважали. Среди

них — Александр Филатов, автор поэмы «Сестры Есенина». В его стихотворении о приезде грузинских писателей в Константиново Екатерина Александровна говорит:

«Посланцы Грузии,
Давно мы ждали вас,
Давно в края рязанские просили...
Мы приглашали с вами
Весь Кавказ
К нам,
В заповедный уголок России».

Это — и от имени Сергея Есенина, не раз звавшего на Оку с берегов Куры «товарищей по чувствам, по перу...».

Грузинский поэт Иосиф Нонешвили рассказывал мне о беседе с земляками Есенина:

«От рязанских стариков веет чем-то сказочным, былинным, — в его голосе слышалось восхищение. — А молодки — все песенницы. И было у меня впечатление, что я их давно уже знаю. Вот о чем надо написать».

Иосиф Нонешвили так и не успел закончить стихи о людях рязанской земли. Но, не сговариваясь с грузинским поэтом, такие стихи написал якутский поэт Семен Данилов.

Вон там... Вон сад — и яблони, и вишни,
Я их узнал! Они же снились мне!
Вон девушки наряженные вышли...
Вон парни дружно встали в стороне...

Пришел старик, опрятен и степенен,
Старушка помолилась на зарю.
Меня знакомил с ними сам Есенин!
Как на родных я тут на всех смотрю...

(Пер. М. Львов)

Люди от земли, мудрые, трудолюбивые, с доброй и открытой душой, они для Есенина были негласными наставниками в постижении им стихии народной поэзии, основ народной эстетики. Это в их лица всматривался поэт, когда у волости «корявыми, нематыми речами» они свою «обсуживали жись». С одним из них — уже в наши дни — довелось встретиться на переправе Владимиру Соколову.

Мы так и не доехали тогда.
Оки не переехали...
Ну что же,
Прав лодочник, седая борода:
— Поэты? Как же, знаю. Был Сережа...

Есенин перед мужиками «себя вынимал на испод». И для них он

был близким, своим. Лодочник в стихотворении В. Соколова сказал об этом единственным словом — «Сережа».

Кровная связь Есенина с отчим краем, родней, земляками осмысливается поэтами как причастность его к «большой» Родине, ко всему ее народу. Дорога в Константиново оборачивается дорогой в мир поэзии Есенина, где у самого входа сияет высокое слово — Россия. Тут веет великим и вечным. Недаром идут сюда и для того, чтобы еще раз проверить чистоту своей души, настроиться на волну распахнутости, правдивости. «Вы ложь во мне, песни, корите и делайте чище меня», — пишет Владимир Лазарев.

Особое место в поэтической Есениниане занимают стихотворения друзей и знакомых поэта. С одними из них взаимоотношения — то затухая, то разгораясь вновь — продолжались до его кончины, с другими — были кратковременными, а подчас вообще ограничивались единичными, нередко случайными встречами.

Сравнительно немного посвящений Есенину написано при его жизни. В них интересны не только оценочные моменты, но и детали мемуарного характера, штрихи живого образа поэта.

1916—1917 гг. помечен цикл стихов Николая Клюева «Поэту Сергею Есенину». Они познакомились в октябре 1915 года в Петрограде, и Клюев — тогда уже известный поэт — помог молодому рязанцу разобраться в сложной литературной обстановке, найти издателя первой книги. На одной из своих фотографий Клюев написал: «Сергею Есенину, Прекраснейшему из сынов крещеного царства, моему красному солнышку, знак любви великой — на память и здоровье душевное и телесное. 1916 г.». Есенин — Клюеву: «Что бы между нами ни было — любовь остается, как ты меня не ругай, как я тебя. Все-таки мы с тобой из одного сада — сада яблонь, баранов, коней и волков. С. Есенин. Мы яблони и волки — смотря по тому, как надо».

Между ними было всякое: любовь сменялась враждой, отчуждение — дружбой, но до конца дней своих каждый в глубине души оставался верным первому чувству.

В цикле стихов «Сергею Есенину» уже слышны отзвуки упреков собрату за охлаждение к сказам олонечного певца и одновременно — нежнейшее чувство «к моему васьилку», с которым отрандо странствовать «от Соловков и до Калуги». Позже Клюеву не по душе было городское окружение Есенина: «Имажинистские цветы претят очам многоболезным». Клюев в самом начале есенинского пути сказал о юном рязанце пророческое:

Изба — питательница слов —
Тебя взрастила не напрасно:
Для русских сел и городов
Ты станешь Радунницей красной.

Признанием в любви, дружеским напутствием в трудной дороге поэта звучат стихи Рюрика Ивнева, одного из имажинистов. Его

акrostих был написан в период работы Есенина над «маленькими поэмами»: «Небесный барабанщик», «Пантократор», — наполненными ощущением революционной новизны, преображения жизни.

«В моем акrostихе, — рассказывал автору этих строк Юрий Ивнев в 1967 году, — особое внимание Есенина привлекли строки: «С новой вестью нам станет тесною изба». Когда я отдал ему листок и он начал читать его вслух, на этом месте остановился, а после дважды повторил строки. Дня через три мы шли с ним по Кузнецкому мосту. Разговор вели об издании имажинистских книжек. Вдруг Есенин остановился, взял меня за руку: «А ты верно написал: «Стала тесною изба...», «Станет...» — поправил я. «Нет, вернее — «стала»... Ну, идем, чего стоишь», — заторопил он меня».

Юрик Ивнев прожил долгую жизнь и до ее последнего часа был верен другу своей молодости. Он написал содержательные воспоминания, более десяти стихотворений о Есенине. В одном из последних, помеченных осенью 1980 года, есть такие строки:

Есенина нет, но горячее сердце
Забилось сильнее при думе о нем.
Она помогает мне снова согреться
Есенинским неугасимым огнем.

Елизавета Полонская не входила в круг друзей Сергея Есенина. Не была близка ему и по своим литературным взглядам. Но, признается она, наполнявшее есенинские стихи «волнение дивное»

меня
Волной лирической ответной
Вдруг сотрясает всю, и я,
Как камертон, едва заметной
В далекой комнате тебе откликнусь дрожью
Затем, что не звучать с тобою невозможно.

Об ответной лирической волне писать будут, каждый по-разному, и поэты 50—70-х годов, как бы подтверждая мысль Е. Полонской, что не зазвучать с Есениным невозможно.

«Любимому учителю моему Сергею Есенину, — читаем над стихотворением Ивана Приблудного, датированным 1924 годом. Уроки знаменитого друга, «созвучность» с его песнями рождает желание быть на только достойным учеником, но в будущем даже потягаться с ним силою: «Я еще слаб, мне едва восемнадцать, окрепну — песней поспорим с тобой...»

Покоренный есенинскими стихами о родной земле, обретшей долгожданную свободу, Александр Белозеров сердцем понимает «несчастья, боли, раны» молодой республики. Неохватны просторы, бесчисленны горы и холмы — за всю жизнь их не обойти... И висят над ними туманы, в дыму — дороги, робко жмутся к белой вербе деревенские избы...

Знаю, чашу скорби не измеряю,
Не уйму тоски,
Но в твою звезду, Россия, верю —
В новые ростки!

Характерно, что такой «отзвук» есенинские стихи вызвали у рабочего поэта-правдиста, участника Октябрьской революции.

В стихах, написанных при жизни Есенина, уже намечены некоторые черты образа поэта. Самая существенная из них — проникновенное чувство отчего края, Родины.

Большинство стихов-откликов на смерть Есенина в идейно-художественном отношении беспомощны. «По-моему, 99% написанного об Есенине просто чушь или вредная чушь», — отмечал в статье «Как делать стихи?» (1926) Маяковский. Предпринимались жалкие попытки представить покойного поэта жертвой революционной эпохи, в которой якобы нет места для лирика. Другие видели причину трагедии в городе, засосавшем, как гнилое болото, «певца полевой России». Третьи давали явно запоздалые советы, как надо жить и с кем дружбу водить...

Страстно и гневно говорил о мнимых друзьях покойного Павел Васильев:

Когда он,
Изведавший столько мук,
Свел короткие с жизнью счета,
Они стихи писали ему,
Постыдные, как плевки
И блевота.

Вся постыдная писанина канула в Лету. Выдержало испытание временем то, что несло в себе правду о поэте, что было рождено истинной болью.

В сборниках Есенина часто воспроизводится фотография, где автор «Анны Снегиной» снят вместе с Василием Казиным. Оба молодые, улыбающиеся. Казин в ту пору (1924 г.) заведовал отделом поэзии журнала «Красная новь». В автобиографической заметке он пишет: «Основными сотрудниками отдела поэзии были Маяковский и Есенин. И с ними я часто встречался. Близкое знакомство с Есениным вскоре перешло в дружбу». Казина критики называли рабочим поэтом. И не без основания. Человек труда стоял в центре его лирики, и в поэтизации работы ему уступали многие участники пролетарской «Кузницы».

В стихотворении Казина «Памяти Сергея Есенина» отдана дань и «горячему меду похвал», и «лихим кутежам», и «тоскливой мятежности»... Но это на втором плане. Главное — кровное родство подлинной поэзии, идущей «крестьянскою тропкою» и «рабочей мостовой», родство на русской народной основе.

Кратко и сильно откликнулась на трагедию Марина Цветаева.

Разговорам о том, что Есенин мало жил и мало написал, она противопоставила свое мнение:

Много жил — кто в наши жил
Дни, все дал — кто песню дал.

Категорично и емко утверждает она величие сурового и героического времени, творчество поэтов, вставших с народом под знамена революции.

Александр Жаров, в ту пору известный комсомольский поэт, опубликовал стихотворение «На гроб Есенина». Здесь он применял, говоря словами Маяковского, «совершенно не действующий в этом трагическом случае фельетонный стилек». Не в пример Марине Цветаевой Жаров торопится только что им же расхваленного поэта («Сердца звон в твоих стихах любя...») отодвинуть в прошлое, вычеркнуть из нынешнего дня:

Для деревни новой, для гулянки
Ты давно уж без вести пропал...
И грустят, грустят лады тальянки
О словах,
Которых ты не дал.

В ином ключе выступил другой комсомольский поэт, Иосиф Уткин. По-человечески тепло и раскованно сказал он свое слово о поэте, что «пел, любил проказы, стихи, село и мать». За человеком утверждалось право не только жить, но и умереть. Ибо

Бунтующий и шалый,
Ты выкипел до дна.
Кому нужны бокалы,
Бокалы без вина?

Максим Горький поддержал мысль молодого лирика...

Среди произведений о Есенине, напечатанных после его смерти, мощный глыбой возвышается знаменитое стихотворение Владимира Маяковского. «Для него,— по словам самого автора,— не пришлось искать ни журнала, ни издателя,— его переписывали до печати, его тайком вытащили и напечатали в провинциальной газете, чтения его требует сама аудитория, во время чтения слышны летающие мухи, после чтения люди жмут лапы, в кулисах бесятся и восхваляют, в день выхода появилась рецензия, состоящая одновременно из ругани и комплиментов».

Чем вызван этот исключительный интерес?

В литературных спорах первых революционных лет Маяковский и Есенин чаще всего выступали как противники. Для тогдашних читателей не были секретом взаимные колкости, которыми обменивались поэты. Вспомним хотя бы строки из «Юбилейного» и «На Кавказе», написанных почти в одно и то же время — в 1924 году. То,

что и один и другой хорошо понимали, с кем имеют дело, читали новые вещи, знали на память понравившиеся строки друг друга, широкой публике вряд ли было известно.

Ждали выступления о Есенине — его литературного противника. Ждали слова поэта, шагающего в ногу со временем, слова певца революционной нови. Не всхлипываний по покойнику — их слышали предостаточно! — трезвой, объективной оценки сделанного Есениным в поэзии. И люди не обманулись в своих ожиданиях.

Навсегда
теперь
язык
в зубах затворится.
Тяжело
и неуместно
разводить мистерию.
У народа
у языкотворца,
Умер
звонкий
забуддыга подмастерье.

В свое время Михаил Глинка говорил: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». По сути, эта мысль великого русского композитора смыкается с мыслью Маяковского. Быть у народа-творца подмастерьем — большая честь, высшая похвала художнику. И такая оценка Есенину прозвучала из уст Маяковского, который был не очень-то щедр даже на похвалы более скромные.

«Звонкий забуддыга подмастерье...» Нытик-упадочник, задыхающийся от беспросветной тоски пессимист? Нет, жизнелюб, с душой нараспашку, не чурющийся ни дружеского застолья, ни озорства веселого... «Вы ж такое загигать умели, что другой на свете не умел». Как тут не вспомнить строки из «Юбилейного», строки о Пушкине: «Вы по-моему при жизни — думаю — тоже бушевали. Африканец!» Маяковский напрочь отметал болтовню о хулиганстве Есенина — это, по его словам, «нами самими выдуманное безобразие». Не поэтизация хулиганства, а стремление вырваться из «логова жуткого», жить тем, «чем здоровый живет человек», — вот основной мотив «кабацких» стихов Есенина.

Маяковскому по душе были есенинские «ясная тяга к новому», чувство зависти «ко всем поэтам, которые органически спаялись с революцией, с классом и видели перед собой большой оптимистический путь».

В стихотворении «Сергею Есенину» запечатлено искреннее уважение к самобытному таланту, утверждение могучей силы поэтического слова, способного вести людей в будущее — сквозь все трудности.

Образ, созданный Маяковским, меньше всего похож на того Есенина, которого некоторые ретивые критики ставили у истоков так

называемой «есенинщины». Маяковский отобрал Есенина у «плакальщиков», сказав по-своему о масштабе потери — «в горле горе комом...». В стихотворении, связанном с трагедией, говорилось о жизни: «В этой жизни помереть не трудно. Сделать жизнь значительно трудней». Неспроста сам поэт считал это произведение одним из самых действенных.

К есенинской теме друзья, современники лирика обращались и в последующие годы. Большой немецкий писатель Иоганнес Р. Бехер в своем стихотворении не прошел мимо важного момента в биографии Есенина: поэт «приветствовал новое утро села». Однако наш читатель вряд ли согласится с таким обращением к автору «Руси советской»: «Подобно лучинушке, песня твоя догорела...»

Нет, не догорела песня Есенина! И прав Сергей Спасский, видящий в своем великом собрате нашего современника. Вот он, молодой, светлоголовый, сейчас, как когда-то, легко взбежит на эстраду,

И тогда
Стих заблещет утреним востоком,
И такой крылатый вспыхнет жест,
Что навстречу
ринется потоком
Молодежь,
сорвавшаяся с мест.

В одном из стихотворений Сергей Орлов вспомнил давнюю сказку о мальчике с крыльями, обладателе стрел и лука... «Выстрелил — в чье-то сердце попал, сердце любовь озаряет вдруг».

Старая сказка у новых рек,
Только и ныне она близка,—
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелой вошла строка.

Это строка Есенина. В ней нет ничего ложно красивого, бьющего на эффект. Она вобрала в себя шорох березы, тишь ивняка, тополиный дым... В ней — надежда, радость, грусть, Россия, Родина. Вот какая чудесная строка вошла в двадцатый век!

Метафора Сергея Орлова весьма показательна. В наши дни слово Есенина звучит свежо и трепетно. Хорошо кем-то сказано: народ прижал его к своей груди, как любимого сына. О том стих и Михаила Дудина:

Есть в мире высшая свобода
Души возвышенно-большой:
Отдать себя душе народа
И стать потом его душой.

В сердце народа ныне рядом — Есенин и Маяковский.

Мне помнится то время — середина тридцатых годов, — когда на собраниях литературных кружков Есенина «побивали» Маяковским.

Первого называли не иначе как «пессимист», «упадочник», «певец патриархальной Руси», второй был, естественно, только «певцом радости», «веселого марша в грядущее». Необъективность, односторонность суждений об этих двух художниках путали критерии в подходе к литературным произведениям, в значительной мере обедняли наше представление о богатствах советской поэзии.

Отрадно, что нынешние юноши и девушки по праву могут сказать строками Николая Рубцова:

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и стучат!

Блок, Маяковский, Демьян Бедный, Брюсов... Это и о них, «живых и после смерти», говорит Николай Грибачев, вспоминая Есенина. От имени художников своего времени поэт отдает им сыновний поклон: «...Никому из нас не отделиться от них, своей не обеднив души».

В поэтической книге любви к Есенину стоят имена литераторов разных поколений, национальностей и судеб, образования, пристрастий, стилевых поисков... Николай Рыленков и Леонид Мартынов, Виктор Боков и Андрей Вознесенский, Ояр Вацетис и Сайфи Кудаш, Расул Гамзатов и Николай Тихонов... Многие поэты братских республик и стран социалистического лагеря были и есть истинные друзья есенинской поэзии.

С юных дней и до конца жизни преклонялся перед Есениным тончайший лирик Советской Украины Владимир Сосюра. Заботливо и бережно переводил он строки русского собрата, и эта работа до сих пор сохраняет свою художественную ценность. Сосюру называли «украинским Есениным», чего он, по его словам, не был достоин.

Мне посчастливилось несколько раз встречаться и беседовать с Сосурой, и почти всегда в наших разговорах звучало имя Есенина. Однажды я спросил Сосюру, был ли он знаком с Есениным.

— Нет, познакомиться так и не удалось, — ответил он, разглаживая обложку «своего» Есенина, изданного для школьников. — А хотелось — очень! Весной двадцатого года Есенин приехал в Харьков — тогда город был украинской столицей. Я и Павло Тычина, в ту пору молодые писатели, узнали, что в городском театре состоится есенинский вечер. В карманы — по первой книжке, — и на встречу с Есениным. Когда он читал стихи, мы смотрели на него во все глаза, но подойти и передать свои тощие труды так и не решились. Больше я его не видел. А когда узнал о его смерти, проплакал всю ночь... И стихи написал горькие... Пытался кое-что его переводить — не получилось... А теперь вот, кажется, что-то вышло...

Полистав сборник и начав дарственную надпись, добавил:

— Не знаю, как кого, но меня многие его строчки трогают до слез. И не только сейчас, старого, а и в молодые годы так было, поверьте... И улыбнулся — тепло и вроде бы немножко виновато...

Люблю, Сергей, я стих певучий твой,
Который так легко и плавно лился.
Когда б ты в жизни встретился со мной,
Ты хлебом и вином со мной бы поделился,—

(Пер. Конст. Ваншенкин)

так к Есенину обращается казах Джубан Мулдагалиев. И для сына степного края русский лирик дорог прежде всего тем, что он «всегда был с матерью родной, с любимой Русью». Искренность и широта души, готовность отозваться на боль, разделить горе, согреть ласковым словом — все это находит отклик в человеческом сердце, тем более если сердце бьется в груди художника.

Душевной щедростью Есенина восхищается Андрей Вознесенский. Есенин умел раздавать себя размашисто и открыто. Чем больше он отрывал от сердца, тем больше в нем оставалось. И «тем больше жить остается».

Раб РОСТА или Есенин
не стали самоубийцами,
их щедрость — как воскресение,
звонит над себялюбивцами.

Да, так. Если бы одним только словом надо было определить нерв подлинной поэзии, то таким могло бы стать слово «человеколюбие». Максим Горький пронизательно увидел это в Есенине, созданном природой для выражения «любви ко всему живому в мире и милосердия, которое — более всего иного — заслужено человеком».

В устах Есенина слова «тянусь к людям», «люблю людей» означали его неотторжимость от тех, кто близко к сердцу может принять благое пожелание поэта: «Каждый труд благослови, удача!» Труд на земле, где отчий дом со знакомыми половицами, ступеньками крыльца...

Стихотворение о России, ее сыновьях Сергей Викулов и начинает с этого скромного крылечка:

Расправив могутные плечи
и смутных желаний полна,
на небо и землю
с крылечек
веками глядела она.

Были лапти, онучи, жестокая неволя... Но Русь не зачахла. «В ней совместились счастливо — и в этом ее высота! — незлобивость и справедливость, достоинство и прямота!» Настал час — и ее народ «по Зимнему вдарил плечом». А началось с незатейливого крылечка... И, обращаясь к недругу, поэт пишет:

Выходит, крылечко для старта —
площадка не так уж мала...
Не так и плоха она, к слову
(как ты мне о том напевал!):
мой тезка русоголовый —
Есенин —
с нее ж стартовал.

Как же не быть ей прекрасной, ей, благословенной земле оттич и дедич, если с ее до поры до времени безвестных крылечек и тропинок идет в мир великая правда жизни, начинаются большие поэтические дороги!

Стихотворение Сергея Викулова как бы продолжает Яков Белинский своим «Под звездами». Метафора крылечко избы — стартовая площадка здесь преобразилась в иную, не менее своеобразную:

Навстречу грядущему
рядом
с высокого сходят крыльца.

Кто сходит? Космонавт и поэт. Автору кажется: Гагарин похож на Есенина — улыбкой, походкой, лицом, пронзительностью взгляда, умением — во всем — до конца!.. И дальше: «Есенин похож на Гагарина всем риском, всей ширию души...»

Так Есенин живет в наши дни. Он вместе с краснотелыми воинами освобождал землю от коричневой чумы, его зачитанный сборник листала в поздний час учетчица работ на БАМе, есенинские строки звучат в космосе. «Божественная лирика», — написал на заветном томике Герман Титов. У космонавтов Есенин один из любимых поэтов. Да и не только у космонавтов. У писателей — тоже. Николай Тихонов пишет:

Здравствуй, дорогой Сергей Есенин!
Мы пришли, стихи твои любя,
Здесь поэты разных поколений,
Все, кто шел приветствовать тебя!..

На есенинскую песню еще долго будут отзываться поэты и все люди, кому дорога правда человеческого сердца.

«С ОТЧЕЙ ЗЕМЛЕЙ ГОВОРЮ...»

Михаил Исаковский

1

...В ту осень холода долго не наступали, дни стояли безветренные, теплые, и, казалось, конца не будет спокойствию, умиротворенности в природе. Листья с деревьев опадали нехотя, трава желтела медленно, да и то на открытых солнцу и ветру местах.

Прогуливаясь по внуковскому лесу, Исаковский изредка останавливался и, слегка склоняя голову, к чему-то прислушивался.

— Вы не замечали, что тишина бывает как бы живой, звучащей, — неожиданно обратился он ко мне, сняв с переносья толстые, в широкой роговой оправе очки. — Это я установил, еще будучи мальчишкой, и до сих пор мне так представляется. И когда ее слушаешь, как-то сами собой возникают перед твоим мысленным взором родная деревня, люди, которые окружали тебя в детстве, перелески да речки... И почему-то вспоминается именно детство...

Он надел очки, сделал несколько шагов и, обернувшись ко мне, добавил:

— В такие часы и пишется лучше... Я как бы с отчей землей говорю, советуюсь с нею...

«Говорю с отчей землей...» От этой, мимоходом оброненной Исаковским фразы тянутся незримые нити ко многим его стихам, полным сыновнего чувства к Родине, людям с золотыми руками мастеров.

Он не был баловнем судьбы. Ему, двенадцатому ребенку в семье смоленского крестьянина, рано довелось узнать и голод и холод, заглянуть в бездонные глубины человеческого горя. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Оказались они и около Исаковского, помогли способному мальчику в учении, начали лечить ему глаза, пораженные тяжелой болезнью.

К стихам Исаковский пристрастился еще в школе, но настоящим началом своей поэтической работы он считал 1924 год...

...Как-то я принес Михаилу Васильевичу книгу «Эпоха — газетной строкой». Выпущенную к полувековому юбилею Октября, ее можно назвать своеобразной летописью советского пятидесятилетия в материалах, опубликованных на страницах «Правды». В книге было воспроизведено и стихотворение «Радиомост» из номера газеты от 17 марта 1925 года.

— Это одно из моих первых, как я полагаю, серьезных произведений, — сказал Исаковский, любовно разглаживая плотные листы тома. — Именно к тому времени мне стало совершенно ясно, что материалом поэзии должна быть сама действительность, жизнь моих земляков, народа, страны. И брать надо из жизни важное, значительное. И вот то, что в край, отгороженный от мира лесами да болотами, протянулись из Москвы «радиомосты», то, что в деревенской глуши мужики слушают «доклад из Совнаркома», потом музыку, и слушание это объединяет людей, мне казалось существенной чертой нового быта. Я так и написал: «Этот день деревню поднял вывесь...»

Сама по себе тема обновления русского революционного села не была обойдена вниманием поэтов. Тут надо вспомнить и «агитки» Бедного Демьяна, которые, удивляясь их популярности, слушал в родном краю Сергей Есенин, имена Ивана Доронина и Петра Орешина, чьи стихи звучали на клубных вечерах и в избах-читальнях... И все же самое поэтически весомое слово о новой деревне, ее

дружбе с городом сказал Михаил Исаковский, слово, выдержавшее испытание временем и до сих пор сохранившее обаяние и свежесть неподдельного лирического пафоса.

Почему так произошло? Ответ на этот вопрос дал Александр Твардовский в статье о поэзии своего земляка и друга. Главное было в том, писал автор «Страны Муравии» и «Василия Теркина», что новшества, причудливо и непривычно, а то и вовсе грубо и аляповато вторгшиеся в жизнь деревни, взламывавшие ее вековой уклад, традиции и навыки, отнюдь не отпугивали его, сына старой деревни, но были ему милы и дороги, и он с истинным душевным волнением отмечал их, вводил их, так сказать, в поэтический обиход.

И ореховые палки для цепов, замененных молотилкой, и светлые, чуть грустные проводы новобранцев, и достойный ответ крестьян на наглые угрозы заморских дипломатов, и мастера земли, что «стоят и любят крупным зерном, лежащим на жесткой ладони», — как много вобрали произведения Исаковского, и как отчетливо запечатлены в них черты тех незабываемых лет! В его стихах говорила сама русская деревня, начавшая читать «мудрую поэму тракторов», говорила искренно, раскованно. Живая современная речь с ее новыми словами, оборотами слилась в творениях Исаковского с задушевной напевностью народной поэзии. И потому так органично, без малейшего насилия над строкой многие стихи поэта становились песнями, проникающими не только во все уголки нашей страны, но и далеко за ее границы. «Вдоль деревни», «Прощание», «Любушка», «Морячка», военных и послевоенных лет — «В прифронтовом лесу», «Огонек», «Ой, туманы мои...», «Враги сожгли родную хату...» — эти и другие песни воспринимаются ныне как произведения народного творчества, переходящие от поколения к поколению. И такая высокая судьба стихов — драгоценнейшая награда создавшему их поэту.

— Глубоко убежден, — говорил в одной из бесед Михаил Васильевич, — что в песне должна быть хорошей не только музыка, но и стихи, на которые музыка написана. Это значит: они наполнены емким содержанием, написаны ясным языком. Другими словами, они должны быть поэтическими произведениями, иметь самостоятельное художественное значение. То, что сейчас нередко музыка пишется на пустые, бездарные «тексты», наша беда, и долг настоящих поэтов и редакторов отвести ее от искусства...

Сам Исаковский был примером художника, с жесткой требовательностью относящегося к своему делу. Известно, например, что знаменитое стихотворение «Катюша» имело семь вариантов, а «Летят перелетные птицы...» — десять и писалось оно в общей сложности около трех недель.

В годы Великой Отечественной войны сердце художника вместило множество человеческих судеб. С комсомольским отрядом поэт уходил в сражения, веря, что «врагу от смерти неминучей, от своей могилы не уйти», вместе с миллионами матерей давал наказ сыну-воину: «Кру-

ши, карай неистовую силу!», от имени старой крестьянки рассказывал о партизанской казни захватчиков, со всеми фронтовиками преклонялся перед немеркнущим героизмом русской женщины, вынесшей на своих плечах тяжесть безмерную...

В преддверии Победы по стране и фронтам прозвучали взволнованные строки поэта, обращенные к Родине:

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?..

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.

О том, как воспринимались произведения Исаковского в военные и послевоенные годы, свидетельствовали письма читателей. Вот короткие выдержки из них: «Ваши стихи заставляют еще больше ненавидеть фашистов, еще крепче их бить»; «Шел со службы пограничник», «И кто его знает...» живут и воюют вместе с нами»; «Послушайте, что поют в селах, деревнях, в городах. Везде лучшие народные песни принадлежат Вам»; «Вы — глубоко национальный русский поэт — нашли в своем сердце столь нежные слова об Украине в стихотворении «Украина, моя Украина...». Вы сделали не только большое культурное, но и политическое дело своими переводами на русский язык украинских поэтов»...

О переводах Исаковского необходимо сказать особо. В его собрании сочинений (издательство «Художественная литература», 1968—1969) они занимают один том из четырех. Исаковский переводил из Тараса Шевченко и Максима Рыльского, Янки Купалы и Аркадия Кулешова, Коста Хетагурова и Мусы Джалиля... Известны его переложения народных песен Венгрии и Польши, стихов венгра Шандора Петефи, пакистанца Фаиза Ахмада Фаиза, итальянца Антонио Гурьерра... Как и в своем оригинальном творчестве, в работе над переводами Исаковский был исключительно взыскателен. В них он стремился воплотить не букву, а внутреннюю сущность, живую душу оригинала. Чаще всего это ему удавалось, хотя стоило немалого труда и — при весьма слабом зрении — изнурительного напряжения.

В последние годы жизни Михаил Исаковский редко выступал в печати с новыми стихами и переводами. Когда позволяло здоровье, он охотно встречался с молодыми авторами, своими друзьями — поэтами из братских республик, земляками-смолянами.

Его статьи и заметки о поэтическом мастерстве, советской песне, о родном языке, переписка с читателями и критиками составили

объемистую книгу, выдержавшую несколько изданий. Она стала своеобразным учебным пособием в работе многочисленных литературных кружков и объединений.

О чем размышляет, за что ратует Исаковский? Он пишет, что поэтический талант неразрывно связан со всем внутренним обликом поэта и является средством особого проявления личности человека, его мыслей и чувств. Поэтому вопрос об учебе начинающего стихотворца есть в первую очередь вопрос его роста как человека, как личности. И тут главное не книжная учеба, а непосредственное, активное участие в жизни. С первых шагов поэт обязан стремиться к тому, чтобы стать подлинным передовым человеком своего времени, человеком идейным, принципиальным, хорошо знающим и понимающим действительность, кровно заинтересованным в том, что совершается в жизни. Поэту следует знать много и основательно, ибо он носитель и творец духовной культуры.

Исаковскому близко признание его доброго наставника Алексея Максимовича Горького, высказанное в «Рецензии» на одну из первых книг поэта: «Страдаю пристрастием к стихам, простая форма которых насыщена ценным содержанием». Наша поэзия, по мнению Исаковского, при всем многообразии, при всей глубине мыслей и чувств, заложенных в ней, при всей художественной силе и красоте должна быть простой и понятной, если не буквально для всех, то все же для наибольшего числа читателей. О самом сложном в жизни поэт обязан говорить просто и понятно, не впадая, разумеется, в примитив. Всякого рода литературные «красивости», вычурные выражения, баловство словом, трюкачество недопустимы.

Обращаясь к стихам мастеров и молодых поэтов, Исаковский подчеркивает первостепенное значение для творчества принципов партийности, народности, важность борьбы за высокий идейно-художественный уровень произведений, будь то небольшое стихотворение или роман в стихах, поэма или песня... И разговор ведется не в общем плане, а конкретный, вплоть до тщательного анализа отдельных рифм, строф, строчек...

— Судя по письмам, книжка оказалась нужной, — заметил он во время той, осенней, прогулки по внуковскому лесу, а потом добавил: — Она вроде бы совет молодым, да и завет тоже...

И, улыбнувшись, пошел между деревьями, постукивая по стволам легкой, только что поднятой с дорожки палочкой.

Я шел за ним и, смотря на его сутулую фигуру, мысленно читал давно запомнившиеся строки:

Земля, земля — родная мать!
Поговори с любимым сыном...
Конца и края не видать
Твоим пригоркам и равнинам...

Земля, земля! Горит рассвет,
И ты для нас — кругом открыта...
Земля, земля! А сколько ж бед,
А сколько ж горя пережито!

2

Первой книгой Михаила Васильевича Исаковского, попавшей мне в руки, был его сборник «Избранные стихи» 1931 года издания. Многие строфы стихотворений сразу запомнились сами собой, и я — в ту пору ученик четвертого класса — к месту и не к месту вставлял отдельные строчки в разговоры со своими друзьями. Запечатлелся в памяти и портрет автора, приложенный к сборнику, — похожий на сельского учителя молодой человек в старомодной кепке, белой рубашке и с мягким взглядом сквозь стекла круглых очков...

Именно этот взгляд и возник снова передо мной, когда 19 января 1960 года я переступил порог квартиры Исаковского, что находилась в многоэтажном доме у площади Пушкина.

Михаил Васильевич пригласил меня пройти в его кабинет и, сев за стол на свое место, еще раз пристально посмотрел мне в глаза.

— Вы меня быстро нашли? — были его первые слова. — А то, знаете, нередко бывает путаница: то заходят в другой подъезд, то не на том этаже лифт останавливают или не в ту квартиру звонят...

Все в небольшом кабинете говорило о том, что здесь любят порядок и чистоту. На столе — стопка белой бумаги, чернильный прибор, остро заточенные карандаши, автоматическая ручка... В двустворчатых застекленных шкафах — книги. Заметил: десять томов давней «Литературной энциклопедии» — будто только что из магазина. Позже, получая от Исаковского письма и стихи, я не раз убеждался в редчайшей его аккуратности, точности, тщательности.

— Ведь вы, кажется, в «Правде» стали работать недавно? — спросил он мягко.

Я сказал, что несколько месяцев, что работа интересная, хотя и напряженная.

— А я могу считаться правдистом со стажем. — Исаковский улыбнулся. — Все-таки тридцать пять лет... Тогда отделом литературы заведовал Сергей Обрадович, вы, конечно, эту фамилию слышали. Сам он, по тогдашним определениям, ходил в рабочих поэтах, но меня, деревенского, печатал довольно охотно.

Он говорил ровно, спокойно. В его голосе, скупых жестах чувствовалось нечто устоявшееся, основательное, чуждое как легковесности, суетливости, так и важности, самолюбования.

Работу в печати Исаковский называл жизненным университетом, особенно для писателя. Газета дает возможность слушать народную душу, а это для художника — главное. Но, по мнению Исаковского, со

временем писатель может оказаться и в плену языковых штампов, стертых выражений... Тогда прозаика или поэта подстерегает серьезная опасность...

— Тут зависимость прямая, — добавил он. — «Ничейный» язык — им нередко грешат наши газеты и радио — зачастую перетекает в «ничейный» язык романов и повестей и, естественно, наоборот. Вот тут и вспомнишь Алексея Максимовича с его настойчивым советом прислушиваться к живому народному слову, учиться у народа-языкотворца...

Народные песня, сказка, пословица, поговорка были постоянными темами наших разговоров.

— Народное слово всегда соответствует ощущению, оно, это слово, в высшей степени точно и потому незаменимо, — заметил Исаковский в одной из бесед. — А мы, бывает, со словом обращаемся не очень бережно. Вот сегодня по радио передавали песню «Течет Волга» — на стихи Льва Ошанина. Не в пример его другим вещам, здесь есть строчки, на мой взгляд, до конца не продуманные, ну, скажем, начало:

Издаেকে долго
Течет река Волга...

Точно ли сказано о реке, что она течет «долго»? Думаю, точности в таком выражении нет. Долго может течь, например, вода из крана или горячее из бензоколонки... Долго, то есть продолжительное время. Но как это соотносить с рекой? Волга в движении бесконечно, а не долго... Ни в одной русской песне такого определения не найти... Дальше:

Среди хлебов спелых,
Среди снегов белых
Течет река Волга...

«Среди хлебов спелых...» Хорошо, такую картину легко можно представить. Но строка «среди снегов белых» уже не связана с непосредственным ощущением: при «снегах белых» Волга скована льдом, ее движение зрительно не воспринимается; во всяком случае, для русского крестьянина, насколько я его знаю, такое ощущение нехарактерно. Может быть, я излишне придирчив, но, согласитесь, подумать тут было над чем...

Как-то я рассказал Исаковскому о своем разговоре с Иваном Ивановичем Дорониным. В газете «Сельская жизнь» он вел рубрику «Родники народные», где печатались произведения читателей — рабочих, колхозников, служащих. Под каждой публикацией указывалось: «Стихи подобрал и обработал поэт-фольклорист Иван Доронин». Иван Иванович был уже стар, но неутомимо переписывался с читателями, вел огромную, по его словам, картотеку, в меру своих сил правил стихи, из которых в конце концов должна была сложиться книга. Его подвижнический труд не пропал даром: книга «О чем поет

народ Отчизны» в 1968 году была выпущена в свет издательством «Советская Россия» и быстро разошлась. Вот об этой-то книге и состоялся у нас с Иваном Ивановичем разговор.

Исаковский, выслушав меня, нахмурился:

— Стихи, которые собирает, обрабатывает и печатает Доронин, он называет письменным народным творчеством. Его авторы чаще всего имеют среднее образование, знакомы с основами теории литературы, изучали произведения классиков... Они начали писать стихи... Ну, вот и относись к ним как к начинающим... При чем же здесь профессия? Если стихотворение хорошее, оно и без подписи «рабочий» с удовольствием прочтается, а если плохое, то никакая подпись его не выручит. Все дело в способностях, в таланте. Не знаю, как вы, но я считаю, что многих своих подопечных Иван Иванович вводит в заблуждение...

От рецензирования книги он отказался.

Накануне 60-летия Исаковского «Вечерняя Москва» напечатала заметку Я. Чернова «Народный поэт».

— Из этой заметки можно сделать вывод, что хорошее стихотворение всегда может стать песней, — заметил Михаил Васильевич. — Но это неверно. Далеко не всегда так бывает. Ведь, к примеру, многие хорошие стихи Маяковского никак не поются, из них песен не получается. Или возьмем Павла Антокольского. Не очень-то найдутся у него стихи, из которых могли бы получиться песни. Для того чтобы получилась песня, стихотворение должно обладать некоторыми специфическими особенностями. Это, по моему разумению, содержательность, простота, певучесть строк. Хорошо, когда в стихе чувствуется простор, слова свободно дышат...

— Вы назвали Маяковского, — воспользовавшись паузой, вставил я. — Под его песню «Возьмем винтовки новые...» мы в свое время маршировали на пионерских сборах. Как вы ее оцениваете?

— Если бы я тогда был пионером, тоже бы, наверное, маршировал под нее, — улыбнулся он и, помолчав, спросил: — Вот вы рассказывали, что при поступлении в Академию общественных наук представили реферат на тему «Народность творчества Исаковского». А не помните, отмечалось ли в этом реферате, что в патриотической теме Исаковский продолжает традиции Маяковского?

Мой ответ был положительным. Я рассуждал так: Маяковский первым стал утверждать весомым стихом революционную новь, тем самым заложив традицию советской патриотической лирики. Поэты, работавшие позже, продолжали и продолжают эту традицию.

— Но разве Маяковский был единственным поэтом, впервые утверждающим новую жизнь? — допытывался мой собеседник. — А Демьян Бедный? А другие, менее известные поэты? Вопрос я задал не случайно. В нашей критике стало общим местом: если поэт пишет о Родине, значит, он продолжает традицию Маяковского. Мне кажется, вопрос о патриотической лирике не следует сводить только

к Маяковскому. Истоки ее — в русских летописях, в «Слове о полку Игореве», в былинах, в народных песнях, затем продолжение ее — в поэзии Ломоносова, Державина, Пушкина... Что касается советского периода, то ее радателями были все подлинно революционные поэты. Мне, например, ближе Демьян Бедный, чем Маяковский, и это не значит, что я недооцениваю значение Маяковского...

— Демьян Бедный — вот кто первый поэт Октября. — Исаковский оживился и, передвигая стакан чая, продолжал: — Вот у кого была поистине всенародная слава. От мала до велика — все знали его стихи, по всей России... Есть у него и такие стихотворения, которые сейчас устарели, не действуют на читателя. Это естественно — писал он много, можно сказать, каждый день, торопился сдать в газету — где уж тут до шлифовки! Но лучшие его стихи не умрут еще долго.

К восьмидесятилетию со дня рождения Демьяна Бедного он написал для «Правды» статью и озаглавил ее «Первый поэт революции».

Часто в беседах звучало имя Твардовского — к нему Исаковский относился с глубоким почтением. Особенно подчеркнул естественность интонаций в стихах автора «Василия Теркина». Похвальный отзыв Ивана Алексеевича Бунина об этой знаменитой книге назвал «словом честного художника». Как-то подробно вспоминал первый приход Твардовского в редакцию смоленской газеты, свои одобрительные слова начинающему автору. По словам Исаковского, поначалу Твардовский писал стихи, которые — при отдельных удачных деталях — не обнаруживали в нем будущего крупного поэта. И вскоре такой взлет — «Страна Муравия» — без нее тридцатые годы теперь и не представишь. Он по праву стал подлинно народным поэтом. Его слава надолго — в этом Исаковский был убежден.

С похвалой отзываясь о поэме «За далью — даль», Исаковский, мне казалось, сдержанно относился к «Теркину на том свете».

Завел я однажды разговор и об отношении Твардовского к поэзии Есенина. Мне довелось присутствовать на заседании секретариата правления Союза писателей СССР 2 ноября 1960 года, где обсуждался вопрос об издании Собрания сочинений С. Есенина в пяти томах. Заседание открыл Г. М. Марков. Первое слово было предоставлено Твардовскому, который прочитал написанный текст, оговорив это в начале выступления. Ряд положений, высказанных Твардовским, вызвал возражения у участников заседания докторов филологических наук Л. И. Тимофеева и В. О. Перцова: обсуждение есть обсуждение.

— И горячий разгорелся спор? — поинтересовался Исаковский.

— Горячий не горячий, но достаточно острый. Позже один из молодых литературоведов заметил, что «жесткое» отношение Твардовского к Есенину идет, возможно, от зависти к народной славе рызаница...

— Вот это чепуха! — Исаковский хлопнул ладонью по столу. — Твардовский может, как любой человек, ошибиться, но он всегда искренен в своих суждениях, тем более в суждениях, касающихся

поэзии. У него есть свое отношение к Есенину, и он об этом честно говорит. Так что ваш молодой «вед» болтает невзвесть что! Надо ведь придумать: от зависти!..

Исаковский значился среди членов редакционной коллегии Собрания сочинений Есенина, поэтому имя автора «Анны Снегиной» вспоминалось не однажды.

...Для пятитомного Собрания сочинений Есенина я готовил тексты poem «Песнь о великом походе», «Анна Снегина» и комментарии к ним. Прослушав мой рассказ об автографах этих произведений и моей работе с ними, Исаковский задумался. Сквозь ветви деревьев, подступавших к самой веранде, неожиданно прорвался яркий луч солнца, и Михаил Васильевич, прикрыв ладонью глаза, произнес:

— Хорошо, что Есенина подымать стали, хорошо! Поэт удивительный, истинно русский.—Замолк, разглаживая лежавшую на столе газету, потом добавил:

— Лирик редчайший, а лирика, как говорили умные люди прошлого века, есть самое высокое проявление искусства...

— И самое трудное,— вставил я, вспомнив строки из писаревских «Реалистов».

— Да, и самое трудное... Рассказывают, он свое последнее стихотворение написал кровью... Вы не знаете, это верно?

— Да, это так. Автограф — я видел его — хранится в Пушкинском доме в Ленинграде...

— Ну, вот... А ведь у него не только последнее — большинство стихов, образно говоря, написано кровью. Может, я ошибаюсь?

Последний вопрос звучал явно риторически: Исаковский прекрасно знал, что, применяя такую метафору к работе Есенина, он не ошибается.

Однажды я сказал ему, что знаю есенинскую строфу, в которой Есенин как бы вплотную встретился с Исаковским.

— Любопытно,— приготовился слушать Михаил Васильевич.— И что это за строфа?

— Вот она.

И я прочел стихи из «Руси советской»:

Я слушаю. Я в памяти смотрю,

О чем крестьянская судачит оголь.

«С Советской властью жить нам по нутрю...

Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

— Вот где сошлись Есенин и Исаковский и откуда Исаковский пошел дальше...

— Ну, что ж, вроде бы и возразить против такого лестного для меня предположения неудобно...

Услышав, что раньше я о том же рассказывал Николаю Ивановичу Рыленкову и тот со мной согласился, Исаковский улыбнулся:

— Если уж двое говорят, что ты пьян...

Судя по тому, что во время разговоров Михаил Васильевич не раз вспоминал о «Пугачеве», чувствовалось, эта драматическая поэма Есенина его особенно интересовала. Думаю, главное тут было в необычайной образности вещи. При всей строгости к языку, неприятии вычурных метафор, необыкновенных рифм Исаковский видел в «Пугачеве» органичность образов, их народную основу. Как жаль, что самый обстоятельный наш разговор о «Пугачеве» у меня остался незаписанным...

Листая пятый том Собрания сочинений Есенина, Михаил Васильевич заметил, что любопытны его письма к другу юности Грише Панфилову. Дойдя до последнего письма Есенина молодому стихотворцу Цейтлину из Николаева, спросил, стал ли Цейтлин поэтом. Я ответил, что Цейтлин жив, он член Союза писателей, но пишет не стихи, как в молодые годы, а прозу. Это Яков Евсеевич Цветов.

— Ну, вот видите, Есенин не зря отечески наставлял молодого николаевца... — произнес Исаковский.

В молодых авторах, обращавшихся к нему со стихами, ценил скромность, ненавязчивость. Об одном особенно настойчивом говорил с возмущением:

— Вот образчик окололитературного жучка. Таланта к стихам никакого, а пробивается в печать — удержу нет...

Способных людей привечал, старался откликнуться на каждое присланное письмо, рукопись, книгу.

Как-то на столе у него я увидел сборник стихов молодого донецкого поэта Владимира Демидова. Заметив мой взгляд, сказал:

— Демидов — знаете? Хвалит Твардовский. Вот прислал, кое-как читаю, опять эти никудышные глаза...

Позже в Донецке было получено письмо из Москвы. С разрешения адресата приведу его полностью:

«Дорогой Владимир Изотович!

Я давно уже получил Вашу книжку «Листья начинаются с корней», но до сих пор не смог написать Вам.

Искреннее Вам спасибо и за присылку книжки, и за дружескую надпись. Самое же большое спасибо за хорошие стихи, которых в книжке немало (хотя я не сумел еще прочесть ее всю). И еще мне очень нравится, что пишете Вы просто, естественно, по-человечески — не в пример некоторым «модным» поэтам, которые на каждом шагу все что-то мудрят, фиглярничают и вообще стараются написать так, чтобы было как можно непонятней, неудобочитаемей (видите, какое слово я придумал!).

Желаю Вам дальнейших успехов.

Всего Вам доброго!

М. Исаковский.

5 октября 1966.
Москва.

Не приходится говорить, сколь важна была для молодого автора такая поддержка, какие силы влило в него доброе напутственное слово опытного мастера.

Михаил Васильевич охотно отозвался на приглашение участвовать в работе IV Всесоюзного совещания молодых писателей. Вместе с Юрием Гагариным он сидел в президиуме торжественного открытия совещания, чувствовал себя помолодевшим, как он сказал, «лет на сорок». В перерыве в комнате президиума несколько писателей, в том числе Исаковский, Рыленков, завели с Гагариным разговор о молодежи, о ее тяге к искусству, к литературе.

— Молодые, как и положено им, — народ интересный, любознательный, вы это хорошо знаете, — обратился космонавт к писателям. — Многие из них пишут и о космосе, о космонавтах. Не только вам, и мне присылают свои стихи, спрашивают — хороши ли? Встречается, конечно, стоящее, но бывают и забавные строчки, как говорится, нарочно не придумаешь. Ну, я — что, вот в «Правду», наверное, стихи идут кипами... Что скажет правдист? — Вопрос обращен ко мне.

— Да, стихов у них предостаточно, — замечает Исаковский.

— Ну, вспомните что-нибудь не очень серьезное из присланного. — Гагарин смотрит на меня. — Скажем, из последней почты...

Я мысленно перебираю прочитанные письма и вдруг вспоминаю:

— Пишет только что демобилизованный танкист. Сообщает, что он понял суть поэзии, каждый образ должен быть органичен для поэта, выстрадан им. Так, мол, и пишу. К письму приложено стихотворение «Встреча с любимой». Завершается оно строфой:

И вот домой вернулся я
Живой танкистскою натурой
И говорю: люблю тебя
Со всей твоей аппаратурой.

Гагарин, всплеснув руками, залиvisto смеется, улыбаются Исаковский, Рыленков, подошедшие участники совещания...

Через несколько дней, встречая меня на веранде внуковской дачи, Михаил Васильевич спросил, пожимая руку:

— Ну, как, от «живой природы» еще что-нибудь пришло?

И добавил:

— Смех смехом, а теорию-то образа он, в сущности, верно схватил... Он не хочет быть банальным, а это уж что-то значит...

Сам Исаковский терпеть не мог банальности. «Не давайте Вы моего стихотворения, — писал он мне 11 декабря 1970 года, — под скучной и уже приевшейся рубрикой «Из поэтической тетради» и с рисованным заголовком — таким, под какими стихи печатаются в «Литературной газете». Заголовки эти тоже надоели невероятно».

В письме от 6 декабря 1972 года вновь вспоминает рубрику «Из поэтической тетради»: «Видите ли, мне это кажется очень трафа-

ретным. Ведь не печатаете же вы, например, рассказы под рубрикой «Из прозаической тетради» или еще как-нибудь. Просто идет рассказ, и все. И это хорошо».

Как правило, свои стихи в редакцию «Правды» он присылал безукоризненно отпечатанными и с подписью: М. Исаковский.

— Мне почему-то неудобно, когда я вижу над стихотворением слова — Михаил Исаковский. Просто — М. Исаковский, — говорил он во время одной из наших последних встреч.

Я слушал его, и мне вспоминалась его первая, попавшая мне в руки скромная книжка.

И вспоминался портрет автора — похожий на сельского учителя молодой человек в старомодной кепке, белой рубашке и с мягким взглядом сквозь толстые стекла круглых очков...

ЗВОН СОСЕН РОДНЫХ, НАРОЧАНСКИХ...

Максим Танк

Это был праздник поэзии — день открытия мемориальной комнаты-музея Сергея Есенина в Мардакянах. Представители всех братских республик — участники Дней советской литературы в Азербайджане во главе с Георгием Марковым заполнили дорожки и поляны сада неподалеку от дачи, где когда-то жил знаменитый русский лирик. Запомнились раздумчивое выступление Валентина Катаева, запальчивое молодое слово Мариэтты Шагинян, мудрая и спокойная речь Сулеймана Рустама.

К микрофону подошел Максим Танк и, чуть приподняв голову, начал читать стихи. Они разносились по всему саду — новые стихи белорусского поэта, стихи, обращенные к Есенину, кого взрастила «под сердцем своим полевая Россия», кому она дала соловьиный талант, чтобы рассказать о ее судьбе.

О том, как страдала она и любила,
Ища избавленья от горя и зла,
Как сеяла хлеб на полоске унылой
И в ленинской мысли спасенье нашла.

И всем рассказал ты с любовью сыновней
Об участи матери кровной твоей,
Слова находя под соломенной кровлей,
Средь шумных лесов и безмолвных полей.

И, наверное, не только у меня, а и у многих слушателей этих стихов промелькнула мысль о том, что и к самому-то Максиму Танку слово пришло из родной белорусской вески, с приозерных лугов да бесконечных полевых шляхов... Не потому ли так близок и дорог ему

русский певец, чьи строки ныне «широко зазвенели, как светлые струи весенней Оки».

И тогда же, в Мардакянах, вспомнился мне эпизод из жизни молодого Танка, о котором позже он рассказал в своих «Листках календаря».

...По зеленой тихой улочке тянулся обоз с бочками, ушатами, маслобойками, ведерками.

— Откуда везете? — спросил у крестьян светловолосый парень, шедший навстречу.

— Из Куренца, из Костеневичей, Кривичей, — ответил возница ближней подводой.

Парень остановился, задумался...

«Я долго смотрел на эти возы, груженные стихами и поэмами моих родных олиц, — записал он вечером в своем дневнике. — Как часто в поисках поэзии блуждал я по бездорожьям! А она вот только что проехала мимо на скрипучих крестьянских телегах, наполнив запахом смолы всю улицу».

Это было пятьдесят лет назад, когда Западная Белоруссия находилась под игом панской Польши. Евгению Скурко — так звали светловолосого парня — в ту пору исполнилось двадцать два года; под псевдонимом Максим Танк он только начинал свой творческий путь.

И с того памятного дня, озвученного скрипом крестьянских телег, пропитанного запахом смолы, он никогда не забывал, что поэзию надо искать изначально на отчих полях и лугах, в жизни своих земляков, своего народа, своей Отчизны.

К тому, теперь уже далекому времени относится и знакомство юного поэта с известным музыкантом, собирателем народных песен Григорием Ширмой. Предисловие Г. Ширмы открыло первую книгу Максима Танка «На этапах» (1936 год), сразу же конфискованную полицией. «Его муза родилась под звонкий шум медноствольных сосен Нарочанского бора. Росла она вместе с поэтом «под шум непогоды». Вместе с поэтом прошла она «от восторга до острога» с целой охапкой свежих, новых бунтарских песен в груди. И поэтому эта молодая поэзия так близка и понятна нам. Потому что от нее веет свежим запахом черных ломтей поднятой земли, стальным отголоском звонкой косы, свежим дыханием ветра Нарочи... Нам доведется быть свидетелями, когда его талант поднимется до великого созвездия Купалы — Коласа» — так писал Григорий Ширма. Его слова оказались пророческими. Сегодня Максим Танк — один из выдающихся мастеров нашей многонациональной поэзии, им опубликованы десятки книг, где талант раскрылся во всей своей самобытности.

Если перелистать все книги поэта, то нельзя не заметить его приверженность к образу дороги, пути. «В дороге» — так назвал он одну из своих книг. «Поезды поезды», «На Долгиновской дороге», «На родных тропинках», «В дороге», «Перед дорогой», «Дорога — серая бесконечная нить...», «Глухая партизанская дорога...» — заглавия

и первые строки его стихотворений. И это понятно: Максим Танк — неутомимый путешественник. Ему хорошо известно, что «песни дорожные создаются из грома, из птичьего щебетанья. Из мыслей веселых, а также грустных, а иногда — из молчанья». Он пешком исходил родной край, объездил почти все братские республики, побывал во многих местах планеты.

«Путешествуя по разным странам,— писал он в «Автобиографии»,— я вынес глубокое убеждение: на земле, кроме деревьев, трав и цветов, растут и стихи. Я их находил на всех путях, на всех континентах. Но самые светлые, самые лучшие я находил на родной земле». Именно такие стихи составили книгу Максима Танка «Нарочанские сосны», удостоенную высшей литературной премии — Ленинской.

Лирике Максима Танка свойственны доверительность, искренность. С первых же строк сборника чувствуешь: с тобой повел беседу человек большого доброго сердца и открытой души. Он не напрягается в крике, рассказывая о том или ином своем переживании, не переходит на многозначительный шепот, когда речь касается глубин интимных. Нет, его слово звучит естественно и достойно.

Читаешь стихи, и перед тобой в полный рост встает поэт, кровно связанный «с тем бессмертным мужицким родом, чей трон состоял из простого лемеха, подпертого косой и серпом, топором и навозными вилами». Строки летописи его «мужицкой династии... начертаны головешками сожженных помещичьих имений, стиснутыми кулаками, тяжелыми, как гнев».

И потому так остро чувствует поэт свою причастность к радостям и печалям людей труда, ко всему, чем живет его народ, его родная земля.

И потому так проникновенны стихи о человеке, который в тот незабываемый апрель поднялся на броневику, словно «на ступеньку лестницы, ведущую в завтрашний день», и уверенно окрылил рабочие сердца мечтой о новой жизни. Он был всегда с трудовым народом, Ленин. И взор поэта обращается к нашему времени:

Был...
Но какое счастье,
Что на утренней пашне,
И в вечерней школе,
И в ночной смене,
И в сиянье воскресного дня,
У старых кремлевских стен
И на новой, только что заселенной улице
Мы постоянно
Встречаемся с ним.

Встречи с Лениным в наши дни — это встречи со всем высоким и светлым в мирной жизни Родины. Это встречи, неизменно рождаю-

щие высокий настрой души и желание сделать как можно больше добра для людей, для тех, кому знакома «тяжесть крестьянского плуга и пехотной винтовки», кто настойчиво прокладывает дорогу в будущее. Поэт сердцем видит, как из крестьянских ладоней прорастают колосья и как перед зеркалами лемехов «охорашивается земля». Он — в нынешнем дне, в его непрерывных заботах, надеждах. Чувство современности у поэта обострено памятью о перекопанных нивах, кружении огненной заботы, сиротском плаче, последнем дне Хатыни...

Один из разделов книги «Нарочанские сосны» включает стихотворения об Отечественной войне, о партизанской борьбе с фашистскими оккупантами.

Как ни закрашивают израненные стены
Белилами, и суриком, и синькой,
Следы от пуль и давние ожоги
На них, как фрески, проступают снова,—

говорит Максим Танк. И мы знаем: так же, как следы от пуль на закрашенных стенах, сквозь думы поэта о нынешнем и завтрашнем дне проступают воспоминания о минувшем лихолетье.

«Партизанская школа», «Перекройка шинели», «Пахал бы нивы, заседал бы их...», «Элегия», «Поле...». Прочитайте эти стихи, и на вас пахнет прогорклый ветер суровой военной поры, перед вашими глазами вспыхнут костры взрывов и смертоносных пожаров... Вы увидите белорусского хлопчика, ставшего потом воином и смертью героя павшего в бою за Отчизну. И его седую мать, что с пожелтевшей похоронкой в руке вышла на крыльцо встретить давнего друга невернувшегося сына.

— Мне все кажется,—
Говорит старуха,—
Что он прячется,
Может, в конопле,
А может, за печкой...
Помнишь?
Он ведь играл с тобой в прятки.
Он очень любил эту забаву
Возможно, он и сейчас где-то рядом.
Только как его высмотрю,
Как разгляжу
Выплаканными своими глазами?

Разве не сама неизбывная материнская любовь и боль оживают в этих строках? Только художник — плоть от плоти своего народа — может так тонко почувствовать и передать в поэтическом слове самые затаенные движения человеческой души. Максим Танк именно такой художник. Он подлинно народный поэт, всей своей жизнью и творчеством заслуживший это почетное и благородное звание.

Его стихи о войне, включенные в первое и второе издания книги, написаны спустя десятилетия после великого Дня Победы. Они вышли из-под пера не только для того, чтобы напомнить о прошлом. В них озабоченность будущим планеты, тревога за ее судьбу.

...Колышутся на балконах детские фартучки, «как мирные стяги», вместе с ними «прикрепленное защепками колышется и весеннее солнце...». Но слышны еще над планетой отзвуки зловещего реквиема, что играла смерть за освенцимской оградой. Но действуют еще преступные руки, в которых бессмертный и живительный огонь Прометея может превратиться в огонь смерти и разрушения. Слово Максима Танка обращено ко всем людям доброй воли: «Проверяйте ежедневно и ежечасно эстафету огня!» За мир надо бороться, мирную жизнь на планете надо завоевать. И поэт не ждет легкой победы: «Видно, беспечною станет не скоро песня моя, что охрипла в атаке».

Нет, песнь Максима Танка не может стать беспечной, равнодушной, потому что сердце, где она рождается, тысячами незримых нитей связано с людскими радостями и печальями, мечтами и заботами, надеждами и тревогами. Это сердце отзывчиво и на голос итальянского друга — бывшего партизана, и на думы соседа-инвалида, оно вглядывается и в березку у индейской убогой лачуги, и в девичьи руки, посмуглевшие в объятиях солнца...

Минувшее, настоящее и будущее в стихах Танка неотделимы друг от друга. Диалектика жизни, ее сложности находят в стихах поэта глубокое и своеобразное воплощение. Танк экономен на слово, его стихам чужды длинноты, общие места. Он любит метафору емкую, выразительную. Ему дано редкостное умение — одним штрихом, одной деталью сказать многое и важное.

Чуть дышат наши весла.

Тише!

Не потревожьте боль

Тех, что спят,

Убаюканные сиренами затопленных кораблей...

Это из стихотворения «На севастопольском рейде». Надо ли говорить, сколь весомо здесь каждое слово, сколь значителен образ: «Чуть дышат наши весла...» Оно само собою входит в твое сердце — благоговение перед подвигом во имя жизни и счастья людей...

Или стихотворение о матери, которая когда-то, убаюкивая сына, начала по ошибке навивать колыбельную не на свое веретено, а на его сердце. И вот —

Я и сегодня

Осторожно и трепетно

Разматываю этот клубок,

Чтобы случайно не оборвать

Нить материнской песни.

Его неторопливые строки о родных лугах и лесах, о речках и озерах, о цветах и травах, кажется, обладают теплом погожего утра, бережно доносят каждый звук проснувшейся природы... Вот поэт в ясную весеннюю пору вышел за околицу памятной с детства деревни:

Вся земля в цвету. И перед нею
Оробел я. Столько прошагав,
Замер вдруг. Ну как пройти посмею
По устам ее певучих трав,
По былинкам, влажным, как ресницы,
И по звездам этих глаз живых?..

Влюбленный взор поэта открывает извечное чудо: «тихо сквозь пальцы солнца просеиваются капли дождя», «сад устами трепетных листьев пьет из бездонного рога радуги многоцветную свежесть...».

Так проникновенно дышит в стихах Максима Танка щемящее чувство Родины, земли советской, обновляемой неустанным трудом ее сыновей и дочерей.

На одной из предвоенных страниц дневника Максим Танк заметил: «По-моему, каждый писатель должен иметь, кроме всеобщего словаря, еще и свой личный... Дело в безошибочном ощущении запаха, цвета, значения каждого слова, времени и места для него». Танк чувствует слово как бы изнутри, поэту открыты все его оттенки. Это в значительной мере передано и в мастерских переводах Якова Хелемского.

Стихи Танка мелодичны, песенны. Недаром они привлекали и привлекают внимание многих композиторов. Истоки этого — в народной песне, с детских лет полюбившейся поэту. С тем же источником связано и его частое обращение к белому, свободному стиху, который для Танка так же органичен, как и строгий классический стих. Элементы новой, современной и традиционной поэтики в стихах Танка слились в единое целое.

В одном из стихотворений, вошедших в сборник «Нарочанские сосны», Максим Танк пишет:

Я спросил человека,
Который прошел
Сквозь огонь
И воду
И медные трубы,—
Что труднее всего?
И он ответил:
— Пройти через верность.

Верность Танка отчету краю, родной советской земле, Ленину испытана на прочность временем — и в годы войны, и в годы мира. Поэт-интернационалист, он всегда на переднем крае борьбы за нового человека, за мирное небо над планетой. Воспетая им «дорога, убаю-

канная колыханием хлебов», — это дорога к людскому счастью, взаимопониманию, дружбе. Ему вѣдома душа рабочего и крестьянина, ученого и инженера. Он хорошо знает, что стоит за такими привычными словами, как творческий поиск, бессонная ночь, радость победы и горечь неудачи... Он всегда в пути, и дорога его далека.

...Тот, кто бывал в Белоруссии на озере Нарочь, надолго сохранит в своем сердце серебряный плеск волны, туманы над заливами, перешептывание осоки... И просмоленные стволы сосен... Максим Танк сказал о них так:

Будь я даже глухим,
Все равно
Среди тысяч и тысяч сосен
Отличил бы я шум
Своих, нарочанских...

Ведь в этом шуме, в звоне нарочанских сосен — боль далекого прошлого и дыхание нынешней жизни, тревожный гул суровой войны и веселые голоса хлопчиков, исток неповторимых слов, задушевных песен, «которые зернам под стать, колосьями в мир возвратятся».

«СВЕТОМ МИР БОГАТ...»

Муса Джалиль

Однажды близкий друг спросил поэта:

— Что ты любишь больше всего на свете?

Поэт подумал и ответил:

— Больше всего люблю детей.

— Почему?

— Потому, — последовал ответ, — что дети для меня не просто ребятишки. Они — олицетворенная любовь к жизни, отчему дому... Они — наше продолжение во времени. Как же можно не любить детей!

Был один из теплых дней последней предвоенной весны. Они наступили тогда в Казани как-то неожиданно, сразу после затянувшихся заморозков и холодных ветров. Друзья шли по берегу Волги, прислушиваясь к гудкам застоявшихся в затонах пароходов.

— Я непременно напишу стихи ребятам, — сказал поэт, наблюдая, как мимо них семеняли малыши из ближнего детского сада.

И он сдержал свое слово. Два с половиной года спустя в его самодельном блокноте появилось стихотворение «Цветы». Оно было адресовано детям. Поэт звал юных друзей на зеленые луга, где можно бегать по траве, любоваться алыми маками и белыми нарциссами. Он говорил: в цветах можно услышать сердцебиенье родной земли, за

которую сложили головы ваши отцы и старшие братья. Эта земля выпестовала нас и, познав горе и муки, мы одолели беду. Вы, дети, — цветы земли, на ваших лицах играет свет грядущего. Пусть же вас всегда нежит благодатный рассветный ветер...

Под стихотворением дата: 9 ноября 1943 года. Великая Отечественная война советского народа против гитлеровских захватчиков была в самом разгаре. Но поэт уже видел весну нашей Победы. И к детям этой весны он обращался из каменного мешка Моабитской тюрьмы — зловещего берлинского застенка, где каждый камень пропитан кровью борцов против фашизма.

В августе 1944 года поэт был казнен. Несколько им написанных блокнотов соседям по камере удалось сохранить. После войны о мужестве и стихах татарского советского поэта узнали миллионы людей. Его имя — Муса Джалиль. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первые же публикации моабитских произведений Мусы Джалиля вызвали огромный общественный интерес. «Читая его стихи, — делились своими мыслями металлурги из Тульской области, — мы чувствовали великую гордость за то, что наш строй вырастил такого патриота и героя». Людей потрясли строки, правда которых оплачена самой дорогой ценой — жизнью.

«Моабитская тетрадь», удостоенная Ленинской премии, — сборник стихотворных произведений. Но это и документ высокого политического звучания. Это поэтическая кардиограмма сердца человека нового мира. Поэта, волей обстоятельств оторванного от родной среды и в невыносимо жестоких условиях сохранившего твердость духа, готовность к борьбе, веру в торжество жизни. В угрюмых фашистских казематах Муса Джалиль чувствовал себя частицей свободного народа, ведущего беспрецедентную битву против зла и мрака. И потому его образ, встающий со страниц книг, воспринимается как воплощение мужества, преданности красному знамени Отечества.

Мой друг, ведь наша жизнь —
она лишь искра
Всей жизни Родины,
страны побед.
Пусть мы погаснем —
от бесстрашной смерти
В Отчизне нашей
ярче вспыхнет свет.

Все круги ада прошел Муса Джалиль в заточении и ни разу не поступился человеческим достоинством, ни на одно мгновение не впал в отчаяние. Стихи запечатлели самые разнообразные его переживания, раздумья, но среди них нет чувства страха.

— Жизнелюбие — вот что сильнее всего поразило меня в «Моабитской тетради», — признавался Герой Советского Союза Сергей Борзен-

ко автору этих строк.— Ведь в самых трагических его стихах есть выход к надежде, к свету. И тут же — юмористические строки. Помните «Соседей» с их плутовкой козой, чуть не поссорившей двух приятелей? А «Влюбленный и корова», «Простуженная любовь»... Трудно поверить, что такие брызжащие весельем стихи написаны под топором палача.

Не только в стихах, Джалиль и в жизни никогда не терял чувства юмора. Его тюремные товарищи вспоминали дни, когда руки и ноги поэта заковали в кандалы. Как-то по коридору каземата Джалиля повели на допрос, и узник из соседней камеры окликнул: «Как твои дела, Муса?» С вытянутыми вперед руками, едва передвигая ноги, Джалиль ответил: «Во всяком случае, лучше, чем у Гитлера!»

Ничто не могло сломить его волю. Он и здесь чувствовал себя борцом. Таким поэта воспитала Родина.

О Мусе Джалиле, его жизни мне многое рассказывал задушевный друг поэта писатель Гази Кашшаф — он отдал немало времени и сил установлению обстоятельств гибели автора «Моабитской тетради», а также подготовке к печати его литературного наследия. По словам друга, Джалиль с юных лет тянулся к общественной работе, за дело брался увлеченно, любил шутку, был душой молодежных вечеров.

Джалиль — из поколения комсомольцев 20-х годов, и жизнь этого поколения вошла в его довоенные произведения широко и подробно. В строках, открывающих первую на русском языке книгу Джалиля «Стихи» (1935 г.), он сказал о себе так:

Я прошел сквозь учебу,
Сквозь годы работы
И гражданской войны.
И вливал мою молодость
Каплями пота
В новостройки страны.

Его дни и ночи были заполнены до предела. Он писал стихи и пьесы, очерки и литературные обзоры, рецензии и статьи по теории критики... Его пути пролегли через многие заводы и колхозы: он хотел все видеть своими глазами, судить о людях, их делах не понаслышке.

Незабываемые впечатления остались у Джалиля от Первого Всесоюзного съезда советских писателей — поэт был делегатом от литераторов Татарии. После съезда — новые замыслы, забота о переводах на татарский язык произведений Пушкина и Шевченко, Маяковского и Г. Табидзе...

Большое место в его творческих исканиях занимала песня, музыка. Более двадцати песен — таков итог его содружества с татарскими композиторами. Ноты и текст одной из них — «Посвящение Джамбулу» — поэт преподнес знаменитому казахскому акыну, с которым

встретился и беседовал в Москве. Джамбула обрадовала весть о скором открытии в Казани национального театра оперы и балета — это событие Джалиль приближал, как только мог. Для нового театра поэт по народным мотивам написал либретто оперы «Алтынчеч» («Золотоволосая»). Позже это произведение (музыка Н. Жиганова) было отмечено Государственной премией СССР.

— Композиторы, артисты, журналисты — каждый считал Мусу коллегой по своему цеху, — рассказывал Гази Кашшаф. — Литераторы избирали его ответственным секретарем Союза писателей Татарии. Мы ценили его разносторонний талант, высокую культуру, нам нравились его неумность в делах, простота, искренность, тактичность в обращении с людьми. Он радовался появлению удачного стихотворения, интересного рассказа, содержательной рецензии, не говоря уже о крупных вещах. К работе, выполненной кое-как, к небрежности в слове относился непримиримо — не делал скидки ни друзьям, ни именитым авторам. О собственных просчетах говорил откровенно и остро, не рисуясь и не бия себя в грудь... «Нам не пристало ни жить, ни писать вполсилы, — запомнилась фраза из его выступления. — Мы на передовой».

С самого начала гитлеровского нашествия Джалиль стал стремиться на передовую линию фронта. «Перо положил я в походную сумку, а рядом висит за плечом автомат» — строки, написанные во время обучения на краткосрочных курсах военных политработников. И вот — Волховский фронт. Корреспондент газеты Второй ударной армии «Отвага» Муса Джалиль рядом с воинами — в окопе, в походе. Только здесь, сообщал он писателям в Казань, можно черпать нужный материал, чтобы выпускать газету оперативной и боевой.

По ночам, примостившись у солдатского огонька, он писал стихи. В них — восхищение бойцом, что погиб, но преградил путь вражескому отряду («Мост»). Признание в любви Украине, изнывавшей от ран («Братство»). Провидение мирных дней: «И грядущей весны заревые знамена заалекот у вольных народов в руках» («В Европе весна») ... Стихи 1942 года.

Тогда же в Казани вышел сборник Джалиля «Клятва артиллериста». Автору увидеть его уже не пришлось. При прорыве из окружения Муса был тяжело ранен и, оглушенный взрывом, потерявший сознание, попал в плен к фашистам. «Враг мне сковал полумертвые руки, пыль занесла мой кровавый след...»

Его привезли в концлагерь, но и там он остался верным себе. Гитлеровцы решили организовать из пленных — уроженцев национальных республик Поволжья легион «Идель-Урал» и направить его против Советской Армии. Джалиль и его друзья создали подпольную группу, наладили печатание листовок и в конце концов сорвали замыслы противника. По доносу провокатора гестапо напало на след патриотов, зверски расправилось с ними.

Среди стихов, написанных в заточении приговоренным к смерти поэтом, есть такие:

Я вижу вновь, как светом мир богат,
Я слышу счастья веянья живые...

Этот свет сохранил для мира и он, поэт-коммунист Муса Джалиль.

...На берегу Волги, вблизи Казанского кремля, возвышается памятник автору «Моабитской тетради». Сюда приходят и стар и млад. Они приносят букеты цветов, и кажется, что розы и гвоздики, положенные к пьедесталу, зацвели от тепла человеческих сердец, от чувств возвышенных и благородных.

Дети всматриваются в лицо поэта. Вряд ли им известно, что когда-то неподалеку от этого места Джалиль говорил другу о любви к ребятишкам и дал слово написать о них стихотворение.

Это стихотворение дети знают. И знают, что оно не только о них, но и о будущем.

О будущем родной земли, чьим верным сыном поэт был и остался навеки...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Синь, упавшая в реку...» (Сергей Есенин)	3
«Эта песня в сердце отзовется...» (Есенин в поэзии)	14
«С отчей землей говорю...» (Михаил Исаковский)	25
Звон сосен родных, нарочанских... (Максим Танк)	37
«Светом мир богат...» (Муса Джалиль)	43

Сергей Петрович КОШЕЧКИН

ПОЭТЫ

Редактор В. П. Енишерлов.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 16.04.86. Подписано к печати 23.06.86. А 01992.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,98. Усл. кр.-отт. 2,28.
Тираж 80 000. Изд. № 1633. Зак. № 2808. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Сотни тысяч человек постоянно занимаются физической культурой и спортом на стадионах, в бассейнах, спортивных залах и других сооружениях, построенных и реконструированных с помощью доходов спортивно-числовой лотереи «Спортлото».

Новые спортивные сооружения, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом — таков главный выигрыш всех участников этой популярной игры. Каждый из них вносит свой вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

Лотерея «Спортлото» проводится в двух видах — «6 из 45» и «5 из 36». Тиражи транслируются по Центральному телевидению еженедельно.

Каждый билет участвует в тиражах двумя вариантами (комбинациями) номеров. Он выигрывает, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров, зачеркнутых в одном из вариантов.

Выигрыши — от трех до 10.000 рублей.

Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР.